

ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

С.А. Шпагин

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ**

Учебно-методическое пособие
для студентов вузов

Томск
2013

УДК 32(47+57)

ББК 66.0

Ш83

Шпагин С.А.

Ш83 Актуальные проблемы российской политики : учебно-методическое пособие для студентов вузов. – Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2013. – 72 с.

Пособие основано на результатах новейших научных исследований и посвящено характеристике современного состояния таких аспектов российской политической системы, как политические институты, проблемы демократии и межэтнических отношений, а также международному контексту её функционирования.

Для студентов гуманитарных факультетов и всех, интересующихся российской политикой.

УДК 32(47+57)

ББК 66.0

© Шпагин С.А., 2013

© Томский государственный университет, 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. Международный контекст российской политики	4
1. Глобализация как актуальная проблема постсовременности	4
2. Россия и Запад на международной арене	10
3. Кавказ во внутренней и внешней политике России	16
4. Восток как фактор российской политики	21
Глава 2. Этнополитические проблемы в современной России	27
1. Национальные аспекты государственного устройства России	27
2. Миграционные процессы в современной России	32
3. Русский национализм как феномен отечественной политики	37
4. Националистический дискурс и его институционали- зация в российской политической практике	43
Глава 3. Проблемы демократии в современной России	50
1. Отечественная политическая наука о демократии в России	50
2. Проблемы и потенциал российской демократии в оценках зарубежных экспертов	55
Глава 4. Проблема институтов в российской политике	61
1. Институциональный подход и российская действительность	61
2. Концепция политических субститутов	63
3. Теория институциональных матриц	66
Что читать о российской и мировой политике	72

Глава 1. МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНТЕКСТ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ

1. Глобализация как актуальная проблема постсовременности

Современный нам мир очень часто описывается как динамичный, стремительно меняющийся, подвижный. Одно из важнейших направлений этих изменений принято связывать с процессами так называемой **глобализации**. Вместе с тем, остается дискуссионной сама сущность этого феномена и оценка его влияния на общество и человека. Более того, дискуссии на эту тему уже давно приняли политически значимый характер и оказывают самостоятельное воздействие на состояние современных обществ.

Один из ведущих социологов современности, директор Лондонской школы экономики **Э. Гидденс** очень ярко передает впечатление от осознания того, чем является глобализация: «Мы живем в мире преобразований, затрагивающих практически все, что бы мы ни делали. Плохо это или хорошо, нас заталкивают в рамки глобального порядка, суть которого никто по-настоящему не понимает, но воздействие ощущает на себе каждый»¹. Впрочем, в своей констатации тотальной непостижимости глобализационных процессов достопочтенный классик слегка лукавит. Именно Э. Гидденс в конце XX в. одним из первых разработал концепцию глобализации, которая в настоящее время рассматривается едва ли не в качестве классической.

Собственно глобализация определяется им как «интенсификация распространяющихся на весь мир социальных отношений, которые связывают удаленные места таким образом, что локальные события формируются событиями, происходящими за много миль от них, и наоборот»². Глобализация рассматривается им в четырех измерениях. Это мировая капиталистическая экономика, система национальных государств, мировой военный порядок, международное разделение труда³.

В то же время, британский социолог подчеркивает неоднозначность описываемого явления: «Глобализация – это не один процесс, а сложное сочетание целого ряда процессов. Развиваются они противоречиво или даже в противоположных направлениях... Суверенные государства утрачивают часть экономических полномочий, которыми они прежде обладали. Но глобализация приводит и к противополож-

---

¹ Гидденс. Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М., 2004. С.23 – 24.

² Giddens A. The consequences of modernity. Cambridge: Polity Press, 1990. P.64.

³ Giddens A. The consequences of modernity. P.71.

ному результату. Она «тянет одеяло» не только вверх, но и вниз, порождая новые требования об автономии на местах... Местный национализм оживляется в ответ на глобализационные тенденции, на ослабление контроля со стороны традиционного государства»⁴.

Признавая и даже подчеркивая связь между глобализацией и демократией, Гидденс видит и проблематичность последней в новых условиях. Становление глобального информационного общества даже в старых демократиях меняет отношение граждан к самим демократическим институтам. Избиратели становятся намного более требовательными к партиям. В результате, стабильные электораты партий сократились с 75 % до 20 %⁵. Он видит в этом связь с открытостью информационного общества, которая заметно расширяет горизонты индивидуальной свободы.

В подобных условиях Э. Гидденс считает важным процесс, который он именует «углублением демократии» или «демократизацией демократии». На национальном уровне ученый включает в это понятие такие направления политики, как распространение альтернативных демократических процедур (электронные референдумы), децентрализацию государственной власти, антикоррупционные меры, расширение сотрудничества политических партий и «заинтересованных групп», а также воспитание культуры гражданственности, которую он образно называет «демократией чувств»⁶. На надгосударственном уровне Гидденс обращает особое внимание на потенциал дальнейшей демократической эволюции международных организаций, прежде всего – ООН и ЕС. Именно с ними он связывает возможности решения глобальных проблем современности и развития демократии как внутри государств, так и во взаимоотношениях между ними⁷.

Гидденс считает глобализацию объективным и неизбежным явлением потому, что национальное государство извлекает экономические ресурсы, концентрирует административную власть и контролирует средства вооруженного насилия значительно более эффективно, чем предшествующие ему типы государства. Глобальная экономика и мировая политическая система справляются с этим еще лучше⁸. Э. Гид-

---

⁴ Гидденс. Э. Ускользающий мир... С.29 – 30.

⁵ Что завтра: фундаментализм или солидарность? Энтони Гидденс, директор Лондонской школы экономики, отвечает на вопросы социологов Светланы Баньковской и Александра Филиппова [Электронный ресурс] // Отечественные записки. Электрон. версия печатн. журнала. Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/?numid=10&article=13>

⁶ Гидденс. Э. Ускользающий мир... С.88 – 91.

⁷ Там же. С.93 – 94.

⁸ См.: Масловский М.В. Социология политики: классические и современные теории. М., 2004. С.71.

денс представляет собой яркий пример сторонника – как актуального проекта глобализации в целом, так и самого понятия «глобализация». Противники его концепции не только не склонны положительно оценивать этот проект, но и отрицают эвристическую ценность термина «глобализация».

В качестве примера этой точки зрения обратимся к позиции известного африканского политолога и экономиста **С. Амина**. Все концепции глобализации он рассматривает как элементы идеологического дискурса, основанного на «смещении двух концепций – реальности (экспансии капитализма) и желаемого (прогресса в точно оговоренном смысле)»⁹. К подобному эффекту, полагает Амин, приводит навязанный общественному мнению «либеральный» взгляд на общество, характерный для западных теоретиков. Признаками этого взгляда он называет:

- «знак равенства между социальной эффективностью и эффективностью экономической, которую, в свою очередь, путают с финансовой доходностью капитала»;
- неразрывное соединение принципов рынка и демократии, таким образом, что «фактически капиталистическая экономика управляет политикой, созидательный смысл которой она уничтожает»;
- представление США остальному миру в качестве наилучшей модели общества;
- мнение о неизбежности и желательности американской гегемонии для прогресса всего человечества¹⁰.

Отвергая понятие глобализации как либеральный идеологический концепт, Амин предпочитает говорить о «глобализованном либерализме» или о «глобальной экспансии реально существующего капитализма»¹¹. Закономерным следствием этой экспансии он считает обнищание городских масс в индустриальных странах и крестьянских обществ третьего мира¹².

Полемизируя со сторонниками глобализации, С. Амин указывает на то, что распространение неолиберализма и политического влияния транснациональных корпораций выливается в выхолащивание демократии в странах Запада, в ее превращение в «демократию низкой интенсивности». «Вы можете голосовать за кого угодно: за белых, синих, зеленых, розовых или красных. Все равно эффект будет нулевым. Ва-

---

⁹ Амин С. Вирус либерализма: перманентная война и американизация мира. М., 2007. С.22.

¹⁰ Амин С. Вирус либерализма. С.11 – 13.

¹¹ Там же. С.41.

¹² Там же. С.56 – 58.

ша судьба решается в другом месте, за пределами парламента – на рынке», - пишет Амин¹³.

Таким образом, для радикальной критики теорий глобализации характерно не только отрицание соответствующего концепта, но и признание неразрывной связи описываемого им процесса с экономическими интересами ТНК и политическими интересами США. Критики также подчеркивают негативные последствия глобализации для экономически слаборазвитых обществ и социальных низов самого Запада. Отсюда берет свое начало негативная оценка данного явления и стремление ему воспрепятствовать.

Своеобразный компромисс между изложенными выше позициями представляет собой точка зрения британского социолога **З. Баумана**, который не только не отрицает понятие глобализации, но и выносит его в название своей новой книги. «Глубинный смысл, заложенный в понятии глобализации, - неопределенность, неуправляемость и автономность мировых процессов; отсутствие центра, пульта управления, комитета директоров, менеджерского офиса», - пишет Бауман¹⁴. Он готов согласиться с Э. Гидденсом и в признании объективного характера глобализации, не связывая ее с реализацией последовательной стратегии определенного политического или экономического субъекта.

Однако свое основное внимание исследователь концентрирует на тех новых проблемах, которые возникают в связи с глобальными процессами. В числе главных проблем, сущностно обусловленных глобализацией, Бауман называет «слабость и даже бессилие привычных, считавшихся самоочевидными упорядочивающих институтов», и, прежде всего – государства¹⁵. Социолог полагает, что в таком ослаблении заинтересованы ведущие экономические структуры глобализирующегося ныне мира: «Слабые государства – это именно то, в чем нуждается Новый мировой порядок... для своего сохранения и воспроизводства. Слабые квазигосударства легко сводятся к роли местных полицейских участков, обеспечивающих ту долю порядка, которая требуется для ведения бизнеса, но не представляющих угрозы в качестве эффективных тормозов свободы глобальных компаний»¹⁶. Любопытно, что природу ослабления государства он описывает в понятиях, весьма сходных с позицией С. Амина: в основе этого процесса Бауман видит

---

¹³ Амин С. Вирус либерализма... С.66.

¹⁴ Бауман З. Национальное государство – что дальше? // Отечественные записки. М., 2002. №6. С.421.

¹⁵ Там же. С.423.

¹⁶ Там же. С.429.

«отделение экономики от политики и ограждение первой от регулирующего вмешательства второй, приводящее к обессиливанию политики»¹⁷.

Ослабление социальных институтов модерна приводит к тому, что даже те проблемы, которые этими институтами более или менее успешно решались, отныне становится все сложнее решить. Например, действия транснациональных корпораций могут с легкостью свести на нет политику ведущих европейских государств в области обеспечения занятости¹⁸. Но наряду с глобализацией уже существующих социальных проблем исследователь наблюдает и возникновение новых. К их числу можно отнести создание «глобальной иерархии мобильности», т.е. фактическое ограничение свободы передвижений в глобальном пространстве для подавляющего большинства населения земного шара. Даже возникновение и распространение новых информационных технологий не делает мировое пространство более проницаемым для жителей «оседлого» большинства. В этой связи Бауман цитирует мнение В. Кигана: «В наши дни компьютеры делают для Третьего мира лишь одно – все эффективнее регистрируют его упадок»¹⁹. Таким образом, глобализации капиталов сопутствует глобализация бедности, которая, по мнению ученого, сознательно консервируется политическими и медийными практиками лидеров глобального миропорядка²⁰.

С несколько иной позиции трактует процессы глобализации испанский исследователь **М. Кастельс**. Он рассматривает глобализацию как одно из направлений становления общества нового типа – информационного общества. «Новый мир обретает очертания в конце нашего тысячелетия. Он зародился где-то в конце 1960-х — середине 1970-х, в историческом совпадении трех *независимых* процессов: революции информационных технологий; кризиса как капитализма, так и этатизма, с их последующей реструктуризацией; расцвета культурных социальных движений, таких, как либертарианизм, борьба за права человека, феминизм, защита окружающей среды. Взаимодействие между этими процессами и спровоцированные ими реакции создали новую доминирующую социальную структуру, сетевое общество; новую экономику - информационную/глобальную и новую культуру – культуру реальной виртуальности»²¹.

---

¹⁷ Бауман З. Национальное государство – что дальше? С.429.

¹⁸ Там же. С.419.

¹⁹ Там же. С.430 – 431.

²⁰ Там же. С.432 – 434.

²¹ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000. С.492.

Сущность информационного общества Кастельс видит в возникновении нового «информационного капитализма», в котором присвоение собственности осуществляется на трех уровнях сразу: индивидуальными и коллективными собственниками, классом менеджеров, глобальными финансовыми структурами. Причем значимость последних настолько высока, что, по словам исследователя «глобальные финансовые рынки и их управленческие сети суть реальный коллективный капиталист, мать всех накоплений»²².

Соглашаясь с представлением о кризисе национального государства как суверенной единицы и сопровождающего его кризиса привычных форм политической демократии, ученый приходит к выводу о том, что государственность как политический институт в информационную эпоху трансформируется. «Глобализация капитала, процесс увеличения количества сторон, представленных в институтах власти, а также децентрализация властных полномочий и переход их к региональным и локальным правительствам создают новую геометрию власти, возможно, рождая новую форму государства — сетевое государство», - пишет Кастельс²³. В таком государстве социальные акторы получают множество новых возможностей для представительства своих интересов, например, через надгосударственные или региональные сетевые структуры.

Глобализация, по мнению Кастельса, существенным образом повлияет и на структуру политических размежеваний в информационных обществах. Традиционные политические расколы в условиях глобализации теряют свое значение. Вместо них актуализируются новые противоречия: между «информационно богатыми» и «информационно бедными», между экономически активными и социально незащищенными слоями населения, а также между сторонниками самой глобализации и ее противниками.

Таким образом, как сама концепция глобализации, так и ее критика задают не только новое понимание структуры и сущности политики, но и служат маркерами новых политических альтернатив. Дискурс о глобализации по содержанию является не столько научным, сколько политическим. Поэтому позиции по отношению к этому процессу вынуждены определять и выражать все актуальные политические силы современного мира.

---

²² Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. С.497.

²³ Там же. С.499.

2. Россия и Запад на международной арене

Отношения между Россией и лидерами глобальной экономики – США и другими странами Запада были и остаются важным фактором политического развития российского общества. С распадом СССР и окончанием «холодной войны» в мировой политике возникла уникальная возможность сближения позиций и налаживания сотрудничества между ними. Однако по ряду объективных и субъективных причин эта возможность лишь частично воплотилась в жизнь.

Первый период сближения России и США охватывает первую половину 1990-х гг. Тогда лишенная союзников и части военной мощи СССР Российская Федерация находилась на стадии своего формирования. У ее границ нарастали вооруженные конфликты, в страну хлынул поток беженцев из других республик бывшего Союза. Тяжелый экономический кризис и трудности перехода российской экономики к рыночной системе хозяйства также ослабляли активность внешней политики России.

В такой обстановке российские власти первоначально взяли курс на максимальное сближение с позицией США в надежде на финансовую и политическую помощь с их стороны. Переход России к рыночной экономике и создание основ демократии создавали у либеральных политиков и части бывшей номенклатуры иллюзию возможности равноправного диалога между нею и США на основе общих ценностей. Во имя осуществления этой возможности российское правительство пошло на существенные уступки США. Под давлением американских советников президент Б.Н. Ельцин провел экономические реформы в России по модели т.н. «шокотерапии», что привело к колоссальным социальным последствиям. Как выразился в своих воспоминаниях президент Финляндии М. Койвисто, «шок удался, а вот с терапией получилось так себе»²⁴. Россия не получила экономической помощи Запада в тех масштабах, в каких это требовалось. Поэтому профессор Гарвардского университета Дж. Сакс, который возглавлял группу советников Ельцина, позже говорил: «Россия делает вид, что проводит реформы, а мы делаем вид, что оказываем помощь»²⁵.

Значительные уступки были сделаны Россией и в области ограничения ракетно-ядерных вооружений. Подписанный в 1993 г. договор о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ-2) предусматривал ликвидацию 2/3 российского ракетно-ядерного потенциала в течение 10 лет. Также в 1993 – 1994 гг. Россия вывела свои

---

²⁴ Койвисто М. Русская идея. М., 2002. С.232.

²⁵ Там же. С.235.

войска с территории стран Центральной и Восточной Европы в обмен на заверения США о том, что эти государства сохранят нейтралитет и не будут включаться в военные союзы.

Однако, надежды на равноправное сотрудничество не оправдались. В самой России против этого выступили национал-патриотические силы, сплотившиеся вокруг КПРФ и сорвавшие ратификацию СНВ-2. Большую роль в осложнении российско-американских отношений сыграла и война в Чечне: общественное мнение стран Запада восприняло ее как свидетельство авторитарного характера политического режима в России. Но решающей оказалась позиция американской элиты, которая осознала себя победительницей в «холодной войне», прониклась уверенностью в своей способности вершить судьбы мира по собственным представлениям. Союз с Россией рассматривался как второстепенный, а обязательства по нему не считались необходимыми. Поэтому России было отказано и в режиме наибольшего благоприятствования в торговле с США, и во вступлении в ВТО, Совет Европы и НАТО. Более того, если России было предоставлено лишь право участия в программе «Партнерство во имя мира» (1994 г.), то Польша, Чехия и Венгрия уже в 1997 г. вступили в НАТО. Зато в 2004 г. в состав этого блока были приняты Словакия, Словения, Хорватия, Эстония, Латвия и Литва.

Сохранение антисоветского военно-политического союза после распада СССР вызывало сомнения в миролюбивых намерениях США. А расширение НАТО за счет присоединения бывших союзников СССР и постсоветских государств, приближение его к российским границам было воспринято в России как трансформация этого блока в антироссийский. Так уже в середине 1990-х гг. в европейской политике возникла проблема *«расширения НАТО на восток»*, которая расценивалась как угроза национальной безопасности России и серьезно сдерживала развитие ее отношений со странами Запада. Попытки российской дипломатии сыграть на противоречиях между США и странами Западной Европы также не привели к результату. Стало ясно, что модель равноправного партнерства России и Запада не оправдывает себя.

Еще сильнее усложнились российско-американские отношения на рубеже 1990-х – 2000-х гг. Факторами, обусловившими это обострение, стали война США и их союзников по НАТО против Югославии, возобновление боевых действий на Северном Кавказе, а также приход к власти в России нового президента В.В. Путина. Югославия традиционно считалась наиболее культурно и политически близкой России. Поэтому нападение на нее войск НАТО было воспринято российской общественностью не только как вторжение в сферу влияния России, но

и как попытка Запада отработать механизм насильственного разрушения других многонациональных государств – механизм, который в дальнейшем мог быть использован против Российской Федерации. Депутаты Государственной Думы от КПРФ и ЛДПР даже предложили разорвать дипломатические отношения России и США, включить Югославию в российско-белорусский союз и оказать ей военную помощь. Новый этап войны на Кавказе, начавшийся осенью 1999 г., также поначалу оценивался как признак нарастания авторитарных тенденций в российской политике. Назначение премьер-министром, а потом и избранием президентом России бывшего офицера КГБ В.В. Путина было истолковано на Западе как возрождение власти спецслужб.

Второе сближение позиций России и Запада наметилось в 2001 – 2003 гг. Атаки исламских террористов, захвативших пассажирские самолеты, на ряд правительственных зданий в США заставили американцев пересмотреть приоритеты в сфере национальной безопасности и выработать более взвешенный подход к политике России на Кавказе. На Западе заговорили о глобальной угрозе международного терроризма, в войне с которым США и Россия участвуют совместно, о том, что боевые действия на Кавказе – это «второй фронт» против террористической угрозы и т.д. Хотя Россия и не поддержала действия НАТО против режима талибов в Афганистане, она присоединилась к ряду других антитеррористических мероприятий.

Но в 2003 г. ситуация вновь стала обостряться. Россия осудила вторжение войск НАТО в Ирак, поскольку была очевидна несостоятельность формальных поводов (производство так и не найденного химического оружия) и противоправность реальных причин вторжения (стремление США контролировать иракские нефтепромыслы). В России был арестован, отдан под суд и осужден на длительный срок заключения по обвинению в неуплате налогов директор тесно связанной с Западом НК ЮКОС М. Ходорковский. Истинные причины его осуждения лежали в области политики: один из потенциальных кандидатов на пост президента страны Ходоровский намеревался продать свою нефтяную компанию западным инвесторам. В этом случае российский бюджет и те, кто его распределяют, лишались бы одного из главных источников валютных поступлений. А после того, как в России в 2004 г. началась вторая волна политических реформ, в западных СМИ все-таки заговорили если не о возобновлении «холодной войны», то о «холодном мире» между Россией и странами Запада²⁶.

---

²⁶ *Рар А.* Холодный мир. Путинская Россия и Запад // *Internationale politik*. 2004. №2. С.5.

Российские власти стали высказывать претензии к одностороннему характеру внешнеполитической стратегии США, а американцы, в свою очередь все чаще обращают внимание на «антидемократические тенденции» во внутренней политике России. Вслед за видным американским социологом и политологом Ф. Фукуямой многие на Западе заявляли, что «даже если Путин и участвует в „войне против террора“, это отнюдь не означает, что все его инициативы и начинания должны безоговорочно поддерживаться»²⁷.

Мощное развитие системы средств массовой коммуникации позволяет правящим элитам двух стран добиваться переноса негативного образа друг друга на уровень массового восприятия. Контент-анализ материалов ведущих зарубежных СМИ, проведенный сотрудниками Центра геополитических исследований Института географии РАН, показал, что под воздействием этих материалов в сознании американских и западноевропейских читателей формируется весьма мрачный образ нашей страны: «...Россия, по мнению западных газет, нависает над миром грозовой тучей – как очаг терроризма и всевозможных конфликтов, в котором постоянно сверкают молнии коррупционных скандалов, раздается гром техногенных катастроф и стихийных бедствий, из которого градом сыплются на Запад шпионы»²⁸.

Немногом лучше обстоит дело и с восприятием США российскими гражданами. Главными характеристиками США в общественном мнении России выступают черты «богатой страны» и «сильной военной державы». Однако то, как американцы применяют свою силу и богатство, вызывает у россиян серьезные опасения. Значительная часть наших сограждан, опрошенных социологами, считает, что американцы «вмешиваются в дела других стран, навязывают им свои ценности и порядки», «стремятся прибрать к рукам все богатства в мире»²⁹.

Негативную роль в развитии российско-американских отношений сыграли и т.н. «**цветные революции**» на постсоветском пространстве: «революция роз» в Грузии в 2003 г., «оранжевая революция» 2004 г. на Украине, в 2005 г. «революция тюльпанов» в Кыргызстане и вооруженные столкновения в Узбекистане. Если новый режим К. Бакиева в Киргизии в целом сохранял добрососедские отношения с Россией, то новый президент Грузии М. Саакашвили и его коллега на Украине В. Ющенко заняли резко антироссийские позиции и сориентировались на

---

²⁷ Фукуяма Ф. Непростые вызовы нового столетия // Свободная мысль. 2004. №11. С.71.

²⁸ Колосов В.А., Бородулина Н.А., Вендина О.И., Галкина Т.А., Заяц Д.В., Юр Е.С. Геополитическая картина мира в средствах массовой информации // Полис. 2003. №3. С.47.

²⁹ Дубин Б. Запад для внутреннего употребления // Космополис. №3. Весна 2003. С.151 – 152.

вступление своих государств в НАТО. Столь же негативную политику в отношении России проводят и новые члены НАТО – Польша и страны Балтии. Это не удивительно, так как все эти лидеры пришли к власти при непосредственной поддержке американских неправительственных организаций и спецслужб.

Открытой манифестацией обострившихся двусторонних отношений стала речь, которую произнес 10 февраля 2007 г. президент России В. Путин на Мюнхенской конференции по вопросам безопасности. Он заявил, что:

- попытка США создать однополярный мир провалилась;
- формируются новые центры силы, прежде всего, страны БРИК (Бразилия, Россия, Индия и Китай);
- планы НАТО по размещению своих баз в Польше, Чехии, Болгарии и Румынии представляют угрозу безопасности России;
- необходимы усилия по созданию «новой архитектуры европейской безопасности»³⁰.

Это заявление сразу же стало одним из крупнейших событий в мировой политике. Его тезисы легли в основу новой внешнеполитической доктрины России, которую американская газета «Вашингтон пост» назвала *«доктриной Путина»*.

В то же время достаточно успешно развивались отношения России с рядом европейских государств, в частности, с Германией, Францией и Италией. Германия и Франция входят в число главных потребителей российского газа, экс-канцлер Германии Г. Шредер после отставки возглавил одну из дочерних структур «Газпрома», а экстравагантный итальянский премьер С. Берлускони открыто называет себя другом В. Путина.

Эти обстоятельства сыграли важную роль в урегулировании *грузино-осетинского вооруженного конфликта* в августе 2008 г. Участие в нем российских войск вызвало негодование США и их союзников. Несмотря на интенсивную антироссийскую обработку общественного мнения европейских стран американскими СМИ, правящие круги государств Европы заняли нейтральную позицию в этом конфликте, а президент Франции Н. Саркози выступил в качестве посредника в его урегулировании. В результате Россия достаточно быстро вышла из изоляции, связанной с этими событиями, и сумела закрепить свою военную победу политически.

---

³⁰ Мюнхенская речь. Выступление Путина, ставшее событием мирового значения // Независимая газета. 28.12.2007.

С приходом к власти в США нового президента Б. Обамы начались попытки нормализации двусторонних отношений. К этому подталкивает и начало мирового финансового кризиса. Американский президент выдвинул лозунг «перезагрузки» отношений с Россией, однако элита США так и застряла на стадии обсуждения вопроса о том, «что можно позволить России?». Никаких новых идей в развитие сотрудничества не предлагает ни та, ни другая сторона. Зато скандал с разоблачением «группы российских шпионов» в США стал едва ли не главной новостью лета 2010 г. Почему?

1. США еще не готовы расстаться с ролью единственной сверхдержавы, а Россия пока не способна этому противопоставить сколько-нибудь эффективный проект. БРИК пока не стал формой интеграции, хотя развивается в этом направлении. В марте 2010 г. на 2-м саммите БРИК было подписано соглашение о совместном регулировании сельскохозяйственного производства³¹. Но пока это не более чем консультативное объединение.

2. Играет свою роль и инерция общественного сознания в США и России. В обеих странах ключевые позиции занимают люди, воспитанные в условиях «холодной войны». Им чисто психологически удобнее, привычнее видеть в качестве врага друг друга, чем арабских террористов, латиноамериканских наркобаронов или собственных предпринимателей, загрязняющих окружающую среду. Россия, как и СССР, в понимании американских политиков – более «доброкачественный» враг, чем они: с таким врагом можно подписывать договоры, вести дипломатические игры и даже договариваться об «оттепелях». В то же время, наличие такого врага предполагает сохранение мобилизационных механизмов и основанной на них власти³².

3. Остаются в силе и различия идентичностей русских и американцев. Это и разное отношение к пространству, и разное восприятие политики, и разный исторический опыт. Американцам на основе их пространственных стереотипов невозможно понять, почему россияне не умеют наводить порядок на улицах и в подъездах, но берутся за решение вопросов мировой политики. Россияне же не понимают, почему для американцев политика начинается на уровне добровольческих ассоциаций и органов местного самоуправления. Мы давно привыкли к тому, что политика делается в столице. США никогда не подвергались нападениям врагов, и заикленность россиян на вопросах безопасности для них не кажется нормальной.

---

³¹ Внешняя политика России: интересы, инструменты, стратегии. Анализ политической конъюнктуры недели. М., 2010. №14 (807). С.6 – 7.

³² Малкин В. Россия на правах рекламы // Русский журнал. 2008. №5. С.125 – 127.

3. Кавказ во внутренней и внешней политике России

Кавказ представляет собой один из наиболее проблемных регионов на постсоветском пространстве. Этническая карта региона крайне пестра и разнообразна, кроме того, тут перемешаны зоны расселения представителей разных течений ислама и христианства. Здесь пересекаются экономические и политические интересы не только кавказских государств, но и многих других: Турции, Ирана, Украины, США. Наличие месторождений нефти и газа делают Кавказ привлекательным для инвестиций, но политическая нестабильность осложняет его развитие.

В период распада СССР рост национал-сепаратистских движений поставил под вопрос политический статус всех государств Кавказа. В итоге на Кавказе вспыхнули сразу несколько вооруженных конфликтов: грузино-абхазский, югоосетинский (между Грузией и Южной Осетией), а также нагорно-карабахский (между Арменией и Азербайджаном). Официально во всех этих конфликтах Россия выступала в качестве посредника и миротворца: в Нагорном Карабахе – в составе Минской группы ОБСЕ, вместе с Францией, США и еще 9 странами, в Абхазии – в составе Коллективных сил по поддержанию мира (КСПМ) СНГ. В Южной Осетии с 1992 г. находились Смешанные силы по поддержанию мира (ССПМ) в составе российского, грузинского и осетинского батальонов³³. В то же время, в этих событиях принимали участие российские добровольцы и наемники с Северного Кавказа, многие из которых были отставными военными.

Внутриполитическое развитие государств Закавказья в 1990-х гг. также носило конфликтный характер. Причем, если в Армении столкновения политических сил ограничились попытками государственных переворотов, то в Грузии и Азербайджане дело дошло до полномасштабных гражданских войн. Свергнутый в 1992 г. авторитарный президент Грузии З. Гамсахурдия в 1993 г. предпринял попытку силой вернуться к власти, но потерпел неудачу. В Азербайджане в 1992 – 1993 гг. в ходе вооруженных столкновений были отстранены от власти президенты А. Муталибов и А. Эльчибей. Вместо них утвердились полуавторитарные режимы бывших коммунистических лидеров Э. Шеварднадзе в Грузии и Г. Алиева в Азербайджане, которые возглавляли эти республики с доперестроечных времен. Только этим авторитетным политикам удалось отчасти стабилизировать ситуацию в регионе³⁴.

---

³³ Современные международные отношения и мировая политика. Учебник / Под ред. А.В. Торкунова. М., 2004. С.575 – 576.

³⁴ XX век: краткая историческая энциклопедия. М., 2001. Т.1. С.202 – 204.

В 2003 году, несмотря на процедуру президентских выборов, власть в Азербайджане была фактически передана по наследству сыну Гейдара Алиева Ильхаму (тот еще при жизни третьего президента Азербайджана был номинирован на пост главы правительства и практически представлен как его политический наследник). Таким образом, именно на Южном Кавказе был создан первый постсоветский прецедент наследования верховной власти³⁵.

Свертывание боевых действий в зонах вооруженных конфликтов дало и неожиданный социальный эффект. Большое количество опытных, хорошо вооруженных и обученных боевиков вернулись из Закавказья на Северный Кавказ, где оказались без дела и средств к существованию. Особенно много их оказалось на территории Дагестана, Ингушетии и Чечни, развалившаяся экономика которых не могла справиться с таким избытком рабочей силы. Да и сами боевики не очень-то умели и хотели работать. Большинство из них занялись более привычным делом – стали грабить и убивать.

Социальную обстановку обострял рост национализма в республиках Северного Кавказа. Если власти Дагестана придерживались более или менее взвешенной национальной и социальной политики, то в Ингушетии и особенно Чечне возобладали антирусские настроения. При попустительстве местных властей происходило вытеснение русских и представителей других некоренных для Кавказа народов из управления и экономики регионов. В результате начались массовые этнические миграции: возвращение части представителей кавказских народов на родину сопровождалось отъездом русских в иные регионы. Если в Чечено-Ингушской АССР в 1989 г. 309 тыс. русских составляли 24,3% населения, то в 2002 г. на территории Чечни и Ингушетии их осталось только 46,3 тыс. (~2,8%)³⁶.

Политическую ситуацию на Кавказе резко обострили боевые действия в Чечне в 1994 – 1996 и 1999 – 2000 гг. Из Чеченской республики в соседние регионы хлынули потоки беженцев и вынужденных переселенцев. Отряды вооруженных сепаратистов и просто бандитов дестабилизировали обстановку по всему Северному Кавказу, а в случае угрозы либо укрывались в горах Ингушетии, Чечни или Дагестана, либо уходили в Грузию, войска которой не могли в полной мере кон-

---

³⁵ *Маркедонов С.* Постсоветский Южный Кавказ: традиционализм плюс модернизация // Прогнозис [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://journal.prognosis.ru/a/2007/04/02/151.html>, свободный.

³⁶ *Будницкая Ю.А.* Демографические и миграционные процессы, их этнокультурные особенности в субъектах Северного Кавказа: Автореф. дисс... канд. экон. наук. М., 2009. С.14.

тролировать собственную территорию. Это подрывало эффективность государственной и местной власти на Кавказе, заставляло население не только мириться с пребыванием рядом боевиков, но и выполнять некоторые их требования.

Вместе с тем, 2 чеченские войны заметно отличались друг от друга. Если в ходе первой из них федеральным войскам противостояли в основном местные боевики и полевые командиры, то во второй важную роль стали играть иностранные наемники. Это изменение можно объяснить двумя причинами:

- за годы активных боевых действий численность местных боевиков заметно сократилась из-за потерь в столкновениях с федеральными войсками. Кроме того, из-за разногласий полевых командиров часть боевиков предпочла прекратить сопротивление и со временем присоединиться к «федералам»;
- за время существования полунезависимой «Ичкерии» на нее обратили внимание международные исламские террористические организации. Они пытались использовать Чечню (а по возможности – и другие кавказские регионы) в качестве базы для распространения исламского фундаментализма и подготовки международных террористов. С этой целью из-за границы (в частности из Саудовской Аравии, Пакистана) осуществлялось финансирование действий сепаратистов на Кавказе, туда прибывали иностранные наемники и эмиссары различных исламских центров и фондов. Это обстоятельство помогло федералам разобщить боевиков и местное население.

Военная победа федеральных войск в Чечне не привела к нормализации положения в регионе. Сепаратисты перешли к тактике партизанской войны и осуществлению терактов в отношении мирного населения России. Особенно частыми взрывы жилых домов в близких к Кавказу российских городах: Буйнакске, Волгодонске, Каспийске и даже в Москве. Широкий резонанс получили акции шахидов (террористов-смертников) по захвату в заложники зрителей мюзикла «Норд-Ост» в концертном зале на Дубровке в Москве (2002 г.) и школьников, родителей и учителей школы №1 в осетинском г. Беслане (2004 г.). В обоих случаях большинство заложников составили дети, но, несмотря на это, спецслужбы шли на штурм захваченных зданий, и это привело к большому количеству человеческих жертв.

После длительных переговоров федеральные власти смогли заручиться поддержкой части полевых командиров, и в 2003 г. в Чечне состоялись президентские выборы. На них победил муфтий А. Кадыров, но его признали далеко не все. 9 мая 2004 г. он был убит в резуль-

тате взрыва на стадионе в Грозном. Новым главой республики стал его сын, бывший полевой командир Р. Кадыров, который создал новый авторитарный режим, основанный на мощной финансовой поддержке Москвы, сочетании норм шариата и светских законов, а также силовом подавлении любой оппозиции. При этом сам Кадыров подчеркнуто лоялен федеральному центру: на всех выборах органов власти Чечня стабильно показывает высочайший уровень голосования за кандидатов от «Единой России». В сентябре 2010 г. Кадыров даже отказался называть себя президентом республики, мотивируя это тем, что президент в стране должен быть один. Однако эта лояльность стоит очень дорого и в любой момент может прекратиться.

Новым фактором дестабилизации обстановки на Кавказе стали т.н. «цветные революции» на постсоветском пространстве. В 2003 г. в Грузии произошла «революция роз»: массовое оппозиционное движение под руководством Н. Бурджанадзе и М. Саакашвили, поддержанное Западом, добилось отставки президента Э. Шеварднадзе. Представители России в этом конфликте выступили в качестве посредников. Однако в дальнейшем новый президент Грузии М. Саакашвили занял националистическую позицию, объективно враждебную России. Уже в 2004 г. Грузия ликвидировала автономию Абхазии, а с 2005 г. возобновила претензии на контроль над Абхазией и Южной Осетией. Новые грузинские власти потребовали досрочно вывести российские войска с территории Грузии, а вместо этого взяли курс на вступление страны в НАТО, закупили в США вооружение и пригласили американских военных инструкторов для обучения грузинской армии. Более того, именно вокруг Грузии в 2000-е гг. сложился первый на постсоветском пространстве межгосударственный союз без участия России – ГУУАМ (объединение Грузии, Украины, Узбекистана, Азербайджана и Молдовы).

Со своей стороны Россия наращивала свое военное присутствие в регионе как на севере (вокруг Чечни), так и на юге. По условиям соглашения с Арменией в 1999 г. в этой стране была размещена российская военная база, которая до настоящего времени обеспечивает безопасность ее южных границ. Экономическая блокада республики со стороны Азербайджана и Турции, зависимость от динамики российско-грузинских, американо-иранских отношений и динамики карабахского урегулирования превращают Армению в очень уязвимое государство со всех точек зрения³⁷. Таким образом, геополитические интересы заставляют Армению выступать союзником России на Кавказе.

---

³⁷ Маркедонов С. Указ. соч.

Кроме того, Россия интенсивно использовала практику массовой выдачи российских паспортов жителям Абхазии и Южной Осетии. В результате, к концу 2000-х значительная часть населения этих непризнанных республик номинально являлась российскими гражданами.

8.08.2008 грузинские войска вторглись в Южную Осетию и попытались взять ее под свой контроль. Обстрелу подверглись не только посты сил осетинской самообороны, но и жилые кварталы Цхинвала, и даже позиции российского батальона миротворческих сил. Момент нападения был выбран точно: в день открытия летних Олимпийских игр главы большинства стран, в том числе президент России, находились в Пекине. Однако расчет грузин на внезапность не оправдался: российские власти сразу заявили о готовности защитить безопасность своих граждан в Южной Осетии и перебросили туда крупные воинские силы. В результате грузинская армия была разбита, а российские войска вступили на территорию Грузии. Западные СМИ развернули масштабную пропагандистскую атаку против России, заявляя о «непропорциональном применении силы» и даже «агрессии России против Грузии». Через несколько недель российские войска покинули грузинскую территорию, а уже в начале 2009 г. Россия объявила о признании Южной Осетии и Абхазии в качестве независимых от Грузии государств. И хотя кроме России эти государства мало кто признал, тем самым был создан прецедент отделения регионов от постсоветских государств. Более того, сами лидеры этих республик открыто заявляют о своем стремлении войти в состав Российской Федерации.

Грузино-осетинский конфликт 2008 г. имел ряд существенных политических последствий. Прежде всего, он привел к укреплению позиций России. События на Кавказе повысили значимость России для Ирана, а также других прибрежных государств прикаспийского региона. Кроме того, действия России в ответ на грузинскую агрессию стали предостережением Азербайджану против односторонних силовых акций в Нагорном Карабахе³⁸. Наконец, вовлечение Грузии в открытый конфликт с Россией стало в глазах европейских государств серьезным препятствием для принятия этой страны в НАТО³⁹.

Война с Грузией не только стала свидетельством внешнеполитической активизации России на Кавказе, но и обозначила т.н. **«контр-оранжевый тренд»** во всем ее политическом курсе на постсоветском

---

³⁸ Дюамель Л. После августовских событий на Кавказе положение России в мире укрепилось // Вестник Московского ун-та. Сер.18. 2009. №1. С.10,13.

³⁹ Цыганков П.А. После кавказского кризиса: мировой порядок и внешняя политика России // Там же. С.36.

пространстве⁴⁰. Сущность этой тенденции заключается в усилении влияния России на постсоветском пространстве путем противодействия позиции Запада и в том числе «цветным революциям». Свидетельствами тому стали победа поддерживаемого Россией кандидата В.Януковича на президентских выборах в Украине в феврале 2010 г. и отчасти – смена власти в Киргизии в марте 2010 г.

4. Восток как фактор российской политики

Исторически Восток играет и продолжает играть важную роль в геополитическом самоопределении России. Хотя культурно россияне считают себя гораздо ближе к Европе, сами европейцы не очень-то с этим согласны: большая часть территории страны географически лежит не в Европе, а в Азии. Да и сами россияне часто склонны относить себя не столько к европейской, сколько к своей собственной, «евроазиатской» или православной цивилизации.

Данные современных социологических опросов свидетельствуют, что в сознании граждан России страны Востока занимает важное место. Так, среди стран, при упоминании которых у наших сограждан возникают положительные чувства, 2-е место после Франции (75%) занимает Индия (64%), 3-е – Казахстан (63%), 5-е (после Германии с 62%) – Япония (60%). Среди стран, относительно часто вызывающих отрицательные чувства, лидируют США (45%) и Польша (38%), а на 3-м месте Китай (32% против 45% положительных оценок)⁴¹.

Восток присутствует в международных отношениях России в виде нескольких аспектов внутренней и внешней политики:

1. Исламский фактор. В России насчитывается от 16 до 20 млн. мусульман, причем более половины из них – представители коренных народов. Это татары, башкиры, лаки, лезгины, черкесы, кабардинцы, ингуши, чеченцы... Помимо распространенности ислама в самой России он выражается во взаимодействии ее с целым рядом мусульманских государств – и сопредельных (Азербайджан, Иран), и относимых к «ближнему зарубежью», но без общей границы (Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан) и далеких, но при этом актуальных (Афганистан, Ирак, Ливия, Сирия). При определении и проведении внешней политики по отношению к этим странам российские власти вынужде-

---

⁴⁰ Внешняя политика России: интересы, инструменты, стратегии. Анализ политической конъюнктуры недели. М., 2010. №15 (808). С.6.

⁴¹ Горшков М.К., Андреев А.Л., Аникин В.А., Бызов Л.Г., Бараш Р.Э., Петухов В.В., Тихонова Н.Е. Российская идентичность в социологическом измерении [Электронный ресурс] / ИНАБ №3-2008. - М.: Институт социологии РАН, 2008. Режим доступа: http://www.isras.ru/INAB_2008_3_7.html, свободный.

ны их культурную общность и значение в глазах собственного мусульманского населения.

2. **Экономический фактор.** В настоящее время целый ряд государств Востока являются важными торговыми партнерами России. Так, на Россию приходится 22% индийского экспорта чая, зато Россия 40% экспортируемой рыбы вывозит в Китай⁴². Важным направлением экономических связей России являются поставки вооружения в Китай и особенно Индию, благодаря которым индийская армия на 70% оснащена российскими танками и самолетами. В настоящее время продолжается многолетний проект по модернизации советского авианосца «Адмирал Горшков» для его передачи индийским ВМС⁴³. Излишне говорить о значении для российского рынка импорта китайского ширпотреба и японских автомашин. Наконец, сама Россия также выступает в качестве экспортера, и не только нефти и газа, но и современных промышленных технологий – в частности, в сфере атомной энергетики. Именно при поддержке России строится атомная электростанция в Иране. Российские специалисты из многих отраслей экономики из-за своей высокой квалификации востребованы во многих странах Востока.

3. **Демографический фактор.** Как известно, Азиатская Россия – наименее населенная часть страны. Учитывая относительно высокий уровень жизни в нашей стране, неудивителен интерес к ней со стороны мигрантов не только из Китая, но и из Вьетнама, Казахстана, Средней Азии, Закавказья. Везде южнее России продолжается энергичный рост населения, что создает значительное демографическое давление на приграничные районы страны, а также на столичный регион. Миграционная и таможенная политика России рассматривается правительствами соответствующих государств как один из главных факторов развития двусторонних отношений.

4. **Геополитический фактор.** Как известно, Россия расположена между Европой и Азией. Это обстоятельство стало основой как для концепции евразийства, так и для геополитических теорий «Хартленда», «моста» и др. Действительно, огромная территория, через которую пролегает множество транзитных путей – это один из важнейших геополитических и геоэкономических ресурсов России, наряду с запасами углеводородного сырья, ядерными технологиями и высоким

---

⁴² Внешняя политика России: интересы, инструменты, стратегии. Анализ политической конъюнктуры недели. М.: Центр политической конъюнктуры России, 2010. №14 (807). С.7.

⁴³ Протопопов А.С., Козьменко В.М., Елманова Н.С. История международных отношений и внешней политики России (1648 – 2005). М., 2006. С.380.

уровнем грамотности населения. В частности, через Россию осуществляются поставки туркменского газа и азербайджанской нефти в Европу, а также транзит туда же части китайских товаров. Тем не менее, даже партнеры по СНГ стремятся освободиться от пространственной зависимости от России. Так поставки нефти из Азербайджана уже сейчас происходят не только через Россию, но и через Турцию по нефтепроводу Баку-Джейхан. Западные компании активно лоббируют идею строительства газопровода «Nabucco», который пустит в Европу туркменский газ в обход России. В ответ, Россия активизирует собственный проект строительства газопровода «Южный поток» по дну Черного моря через Балканы в Европу. Кроме того, развиваются поставки газа и нефти в Китай – как по сухопутным коммуникациям, так и через Магаданский портовый терминал.

Наиболее близкая России часть Востока – это государства Средней Азии и Казахстан. Их сближает с Россией не только общее историческое прошлое, но и экономические интересы, культурные связи, а также закономерности политического развития. Центральноазиатские республики, как и Россия, пошли по пути построения «имитационной» демократии, то есть «режимов личной власти президентов, камуфлируемых в правовые и демократические формы»⁴⁴. В большинстве государств Центральной Азии нет настоящей, полноценной, а поэтому и продуктивной конкуренции в политической сфере жизни общества. Это автоматически приводит к авторитарному характеру властных институтов⁴⁵. Кроме того, ни в одной из этих республик не произошла полноценная экономическая модернизация, которая заложила бы социальные основы национального самосознания, демократии и устойчивого развития. До сих пор не преодоленный «газовый авторитаризм» С. Ниязова в Туркменистане, «хлопковый авторитаризм» И.Каримова в Узбекистане – это следствия реставрации традиционных структур власти в этом регионе⁴⁶. Авторитарный режим сложился и в Таджикистане, где Э. Рахмону удалось отеснить исламистов от власти лишь ценой фактического ограничения демократических свобод и возрождения регионально-клановой структуры политической элиты. Сверже-

---

⁴⁴ *Фурман Д.* Общее и особенное в политическом развитии постсоветской России и других стран СНГ // Прогнозис [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://journal.prognosis.ru/a/2006/10/02/110.html>, свободный.

⁴⁵ *Куртов А.* «Ханский круг»: система власти в Центральной Азии // Прогнозис [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://journal.prognosis.ru/a/2007/04/02/150.html>, свободный.

⁴⁶ *Артемьев М.* Страна, ждавшая Атаюрка: упущенный шанс Узбекистана // Гражданский клуб [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.globalrus.ru/comments/141173/> свободный.

ние режима А.Акаева в Кыргызстане не привело к демократизации страны, и новый режим К. Бакиева был также свергнут в 2010 г. насильственным путем.

Политическую жизнь в Средней Азии и Казахстане характеризуют такие черты, как пренебрежение к праву, клановость и коррумпированность правящей элиты, фиктивный характер многопартийности (в Туркменистане она отсутствует совсем), слабость парламентов⁴⁷. В Казахстане президентом было распущено без применения силы, но зато два парламента подряд (в 1993 и 1994 гг.). Парламент был разогнан также в Кыргызстане в 1995 г. В Узбекистане Каримов добился принятия закона об отзыве депутатов, позволившего ему очистить парламент. В борьбе с парламентами президенты часто апеллируют к референдумам, всегда получая одобрение своим предложениям. На защиту разгнояемых парламентов России нигде не поднимается⁴⁸.

Из всех государств этого региона России наиболее близок Таджикистан. Зажатый между исламистским Афганистаном, перенаселенным авторитарным Узбекистаном и усиливающимся Китаем, режим Э. Рахмона вынужден опираться на помощь России. Поэтому в Таджикистане еще с начала 1990-х гг. находится российская военная база, в Душанбе работает Славянский университет, а таджики едут учиться и работать в Россию.

Важнейшей организацией регионального сотрудничества в центрально-азиатском регионе является **Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ)**, в состав которой входят Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Россия, Таджикистан, Узбекистан. Этот договор был подписан 15 мая 1992 г. и первоначально объединял все страны СНГ, кроме Молдовы, Туркменистана и Украины. Однако в 1999 г. правительства Азербайджана, Грузии и Узбекистана отказались от его продления⁴⁹, взяв курс на сотрудничество с США и НАТО, а в дальнейшем – на участие в ГУУАМ. Лишь в 2006 г. после очередных выступлений исламских экстремистов Узбекистан возобновил свое членство в ОДКБ.

Ведущее объединение межгосударственного экономического сотрудничества в Центральной Азии – **Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС)**. Оно было образовано на основе Таможенного союза Белоруссии, Казахстана, Киргизии, России и Таджикистана. Договор о создании ЕврАзЭС был подписан этими же странами 10 октября 2000 г. и в 2001 г. вступил в силу. В рамках этого союза осуществ-

---

⁴⁷ Куртов А. Указ. соч.

⁴⁸ Фурман Д. Указ. соч.

⁴⁹ Современные международные отношения и мировая политика. С.572 – 573.

ляется регулирование таможенной политики, торгового законодательства, валютно-финансовых систем⁵⁰.

Третьей важнейшей организацией в Центральной Азии выступает **Шанхайская организация сотрудничества (ШОС)**. Она была создана в 2001 г. для противодействия экстремизму и террористической деятельности в регионе на основе присоединения Узбекистана к т.н. «Шанхайской пятерке». На учредительном саммите ШОС в июне 2001 г. правительства России, Китая, Казахстана, Киргизии, Таджикистана и Узбекистана подписали Шанхайскую конвенцию о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. На ее основе была образован постоянно действующий орган спецслужб стран-членов ШОС – Региональная антитеррористическая структура (РАТС)⁵¹. Особую значимость ШОС и РАТС придает участие в них Китая.

Значение Китая в современной системе международных отношений трудно переоценить. С 2005 г. китайская экономика занимает второе место в мире по объему ВВП (14,4% от мирового по сравнению с 20,42% у США). Численность населения Китая в 2005 г. составила 1311,4 млн. чел, или 20,6% от общей численности населения мира. Кроме того, что Китай с 1964 г. является ядерной державой, он обладает самой многочисленной в мире армией – 1600 тыс. человек. В 1971 г. КНР становится постоянным членом Совета Безопасности ООН (до этого ее место занимал Тайвань). Китай – участник многих региональных организаций, среди которых АТЭС и ШОС. В последней он, наряду с Россией, играет ведущую роль. В 2000 г. Китай, в отличие от России, был принят во Всемирную Торговую Организацию (ВТО). Наконец, в 2003 г. КНР стал третьей в мире космической державой⁵². Не удивительно, что ряд исследователей уже сейчас называют Китая новой сверхдержавой.

Китайцы открыто признают, что проявляют к России большой интерес. В 1998 г. Россия и КНР урегулировали все пограничные разногласия, долгое время портившие отношения между ними. В 2001 г. между двумя странами был подписан Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве сроком на 20 лет. По словам директора Института по изучению России и Украины государственного университета в г. Ухань Лю Цзайцы, «согласно новой внешнеполитической кон-

---

⁵⁰ Современные международные отношения и мировая политика. С.571.

⁵¹ Там же. С.578.

⁵² Дробот Г.А. Китай в мировой политике: ресурсы, цели, проблемы, отношения с Россией // Вестник Московского ун-та. Сер.18. 2009. №1. С.43 – 48.

цепции “мирного возвышения Китая”... китайско-российские отношения по своему значению уступают только китайско-американским»⁵³.

Вместе с тем, Китай практически не скрывает своих экспансионистских намерений. В стране полуофициально принята концепция “стратегических границ и жизненного пространства”. Предполагается, что территориальные и пространственные рубежи обозначают лишь пределы, в которых государство с помощью реальной силы может “эффективно защищать свои интересы”. “Стратегические границы жизненного пространства” должны перемещаться по мере роста “комплексной мощи государства”. В школьных учебниках истории Академии наук Китая история российско-китайских отношений рассматривается как агрессия России против Китая и захват его “исконных” земель. В академических кругах лишь ведется дискуссия на тему, где именно проходит западная граница этих самых исконных земель: доходит ли она до Урала, или можно ограничиться Енисеем, или достаточно восстановить границу по Нерчинскому договору 1689 г. (Читинская область)?

Впрочем, в настоящее время военной угрозы суверенитету России со стороны Китая нет. Пекин “привязывает” восточные регионы России к себе экономически, а также демографически за счет поощрения миграции своих граждан в Россию⁵⁴. Есть и психологический фактор: «У китайцев в генетической памяти долго сохраняется страх перед Севером, ибо завоевывали их только с Севера»⁵⁵. Однако трудно прогнозировать, как поведет себя Китай в случае кризиса...

---

⁵³ Лю Цзайцы. Путь взаимного постижения Китая и России – через изучение конфуцианства и православия // Полис. 2007. №6. С.153.

⁵⁴ Дробот Г.А. Указ. соч. С.59 – 60.

⁵⁵ Лю Цзайцы. Указ. соч. С.155.

Глава 2. ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Мы подвержены в равной степени и любви и ненависти, и любим проявлять и то, и другое. Мы любим наших соотечественников и ненавидим иностранцев. Конечно, мы любим наших соотечественников только тогда, когда думаем об иностранцах. Когда же мы об иностранцах забываем, то и соотечественников уже не любим так сильно.

*Б. Рассел*⁵⁶

Надпись на стене дома:

«30% населения России – приезжие. Задумайся!»

«30% стен в России исписано. Задумайся!».

1. Национальные аспекты государственного устройства России

В настоящее время Российская Федерация – одно из крупнейших в мире многонациональных государств. По разным подсчетам, в России проживают от 166 до 176 национальностей и народностей⁵⁷ – от более чем 100-миллионной русской нации до малых северных народов и совсем крохотных этнических групп, численность которых в ряде случаев не превышает ста человек. Это обстоятельство не могло не отразиться на истории и государственном устройстве нашей страны.

Россия складывалась как полиэтничное общество древнейших времен. Уже в состав Киевской Руси входили как восточнославянские племена, так и финно-угорские и даже тюркские («черные клобуки»). По мере расширения Московского государства увеличивалось и количество образующих его этнических групп, хотя доля русских в нем всегда была наибольшей. Этот процесс продолжился и в Российской империи.

В отличие от практики многих других стран, присоединенные к России народы не подвергались шовинистической унижительной дис-

---

⁵⁶ *Рассел Б.* Национализм (интервью 1959 г.) // Электронная библиотека [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://aristotel.fatal.ru>, свободный.

⁵⁷ *Ирхин Ю.В., Зотов В.Д., Зотова Л.В.* Политология: Учебник. М., 2002. С.409; *Топорков В.А.* Национализм в постсоветской России: социально-философский анализ: Автореф. дисс... канд. филос. наук. Тверь, 2007. С.16.

криминации в системе управления. Для них она чаще всего имела не прямое, а косвенное предназначение, без посягательства на основные нормы их общественного быта, при соблюдении уважительного отношения к их обычаям и религиозным приверженностям. В сфере гражданских прав русская власть вообще избегала резкой ломки, считаясь с правовыми навыками населения, и оставляла в действии на управляемой территории и конституцию с сеймом в Великом княжестве Финляндском, и кодекс Наполеона в царстве Польском, и литовский статут в Полтавской и Черниговской губерниях, и магдебургское право в Прибалтийском крае, и обычное право, местные законы на Кавказе, в Сибири, в Туркестане и т.д.⁵⁸ Неудивительно, что имперское устройство при всех его недостатках рассматривалось как положительное явление не только русскими, но и представителями самих национальных элит.

Интенсивное вмешательство русских властей во внутренние дела национальных окраин началось только в царствование Николая II и стало одной из причин дестабилизации политической обстановки в Российской империи в начале XX в. Под впечатлением от этих попыток русификации национал-сепаратистские движения Польши, Финляндии и Украины, религиозно-традиционалистские движения народов Кавказа и Средней Азии сомкнулись с революционным движением в центре страны. Это заметно ускорило распад империи в ходе гражданской войны.

Чтобы сохранить контроль над этнической периферией бывшей империи, большевики поддержали создание на ее территории сложной этнофедеративной государственной структуры. Их попытки радикально перестроить жизнь на национальных окраинах привели к энергичному сопротивлению местных элит, известному в Средней Азии как басмачество, а на Украине как махновщина. Лишь по мере успехов экономического и культурного развития страны, а также складывания коммунистических национальных элит эти конфликты прекратились, но после войны вспыхнули заново. Поэтому центральные власти, особенно с 1960-х гг. практически перестали вмешиваться в жизнь национальных регионов. При этом сохранялось единство правящей партии как главного института власти, а местные элиты выражали полную политическую лояльность политике союзного Центра. Так, за счет сочетания символического этнофедерализма и внеправового урегулиро-

---

⁵⁸ *Исаев Б.И., Баранов Н.А.* Политические отношения и политический процесс в современной России. Учебное пособие. СПб., 2009. С.378.

вания был достигнут политический компромисс, в сущности аналогичный тому, что поддерживал стабильность в Российской империи.

Распад СССР поставил под вопрос этнополитическую ситуацию в России. Режим Б.Н. Ельцина пошел по пути привычного для советской номенклатуры сговора с национальными элитами. Общие принципы и нормы федеративного устройства, закрепленные в Федеративном договоре 1992 г. и Конституции 1993 г., были почти сразу же подвергнуты пересмотру через заключение договоров о разграничении полномочий между Центром и национальными регионами. Эти договоры предполагали изъятие республик из правового поля федерации, что создавало прецедент нарушения федерального законодательства и подрывало политическое единство страны. Возникла так называемая «асимметричная федерация», в составе которой разнообразные регионы оказались не равными друг другу не только в экономическом, но и в политическом и правовом отношениях.

Тем не менее, этнополитическая динамика Российского государства в 1990-х гг. несла в себе значительный позитивный заряд. Завоеваниями эпохи трансформации директор ИС РАН Л.М. Дробижева называет:

1. Предотвращение югославского варианта событий в период распада Союза; выход из ста двадцати конфликтных ситуаций, которым придавалось этническое звучание, в большинстве случаев переговорным путём. (Исключения: военные действия в Чечне и столкновения в Северной Осетии).

2. Приостановка этнически манифестируемых дезинтеграционных процессов с помощью использования процедур реального федерализма.

3. Отмена 5 пункта, изменение фиксации национальности в паспорте в соответствии с нормами международного права и международными договорами РФ.

4. В 1990-е гг. люди перестали стыдиться своей этнической идентичности, стали свободно говорить между собой на родном языке.

5. В институциональное пространство были включены не только народы, дающие название республикам, как это было в советское время, но и меньшинства, не имеющие административных образований. С принятием в 1996 г. Концепции государственной национальной политики появилась возможность национально-культурного самоопределения граждан, диаспор этнических меньшинств через создание национально-культурных автономий.

6. В науке, в идеологии, дискурсе появилась возможность исходить из разных концепций нации. Этничность стала интерпретироваться не

как застывшая, вечная, акак **изменяющееся, ситуативное явление, имеющее свою историю, используемое в разных контекстах и соотношении с российской гражданской идентичностью**⁵⁹.

Вместе с тем, сложившееся федеративное устройство сохраняло в себе и конфликтный потенциал. В политической плоскости он был связан с неравномерностью представительства национальных интересов на разных уровнях власти. Избирательная система и практика назначения чиновников не давали возможности представителям нерусских этнических групп влиять на принятие общегосударственных решений. Недопредставленность в федеральных органах государственной власти национальные элиты компенсировали доминированием представителей титульных народов в республиканских властных структурах, что вызывало недовольство русских.

Кроме того, обнаружился ряд политико-правовых проблем, связанных с асимметричной структурой федерации. Самая известная из них – проблема статуса «вложенных» субъектов Федерации, т.е. автономных округов, согласно ч.4 ст.66 Конституции входящих в состав иных регионов. По Конституции все субъекты Федерации равны, но что означает это равенство, когда одни регионы являются частью других? С таким вопросом в 1996 г. обратились в Конституционный суд РФ представительные органы Тюменской области и представительные органы двух автономных округов этой области – Ханты-Мансийского (ХМАО) и Ямало-Ненецкого (ЯНАО).

Тюменская областная Дума высказалась за то, что вхождение означает включение территории и населения автономного округа в состав территории и населения области. А раз так, то должны избираться единые для всей территории области законодательные и исполнительные органы власти, и их полномочия распространяются на автономный округ.

Законодательные органы автономных округов исходили из того, что автономные округа, так же как и Тюменская область, в соответствии с Конституцией РФ, являются равноправными субъектами РФ и поэтому имеют каждый свою территорию. Поэтому каждый из них – как область, так и округа – обладает всей полнотой государственной власти, имеет право создавать свои органы государственной власти, и никакой орган одного из субъектов не может обладать полномочиями за пределами своей территории. Когда на 22 декабря 1996 г. были назначены выборы губернатора Тюменской области, Госдума ЯНАО

---

⁵⁹ Дробижеева Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М., 2003. С.7 – 11.

издала специальное постановление о том, что население округа не будет принимать в них участие. А власти ХМАО организационно не обеспечили проведение выборов на своей территории и последние не состоялись.

Конституционный Суд РФ расценил действия властей автономных округов как форму давления на правосудие и решил, что включение субъекта РФ в состав другого является реальным лишь в том случае, если происходит включение его территории и населения в состав территории и населения другого субъекта. Поэтому край, область, в состав которых входит автономный округ, представляет собой государственно-территориальное образование, включающее наряду с административно-территориальными единицами другое государственно-территориальное образование, являющееся субъектом РФ и одновременно составной, хотя и особой, частью края, области. Вхождение автономного округа в край, область означает также признание населения округа составной частью населения края, области. В связи с этим население автономного округа вправе наравне с населением других районов (частей) края, области участвовать в выборах органов законодательной и исполнительной власти (главы администрации) края, области. Поэтому органы государственной власти автономного округа обязаны принять все предусмотренные законодательством меры для реализации этого права граждан⁶⁰.

В 2000-е гг., когда вектор политического развития России обратился в сторону централизации государственной власти, сложившаяся ранее модель федерации была признана не соответствующей новым условиям. Поэтому прекратилась практика двусторонних договоров между субъектами Федерации и Центром, началась унификация правового пространства, был реформирован Совет Федерации и создана т.н. «исполнительная вертикаль власти», включавшая в себя, в том числе и институт полномочных представителей президента в федеральных округах. Более того, благодаря доминирующему положению «Единой России» в региональных парламентах стало возможным строительство «законодательной вертикали власти».

Все эти процессы были настороженно восприняты региональными и особенно национальными элитами. Усиление позиций федерального Центра оценивалось ими как покушение на государственный суверенитет нерусских наций и народностей. Особенно болезненной была реакция на инициативу по укрупнению регионов. Хотя это направление федеративной реформы непосредственно коснулось только авто-

---

⁶⁰Ирхин Ю.В., Зотов В.Д., Зотова Л.В. Политология. С.413 – 415.

номных округов, входящих в состав краев и областей, очевидно, что в перспективе эти меры могут быть распространены как на области с малочисленным населением, так и на республики. В этом случае национальным элитам пришлось бы потесниться не только в системе государственного управления, но и в сфере бизнеса. В настоящее время относительная закрытость экономических пространств и тесная связь с региональными бизнес-группами служит одной из опор власти республиканских элит. В случае же интеграции в более крупные субъекты Федерации эти привилегии будут ими утрачены, и начнется экспансия федеральных и столичных ФПГ в соответствующие регионы.

Именно в этом контексте следует рассматривать политические решения федеральных властей в сфере федеративных отношений, принятые в последнее время. Так, в январе 2010 г. был создан новый Северо-Кавказский федеральный округ, объединивший в своем составе целый ряд республик и Ставрополье. Назначение полпредом красноярского экс-губернатора А. Хлопонина явно свидетельствует о стремлении правящих кругов упрочить свои связи с крупным бизнесом и привлечь его к решению задач экономического и социального развития проблемного региона. А отставка в 2010 г. старейших глав республик – президента Татарстана М. Шаймиева и президента Башкирии М. Рахимова столь же явно демонстрирует намерение центра деполитизировать федеративные отношения, превратить их в технические, административные, а в конечном итоге – в унитарные.

Хотя российский федерализм намного реальнее советского, он сталкивается с тем же противоречием между конституционными нормами и имперскими культурными традициями. Сейчас единству российского государства уже почти не угрожает национал-сепаратизм. Но и воссоздание империи осложнено отсутствием в стране ясного идеологического стержня.

2. Миграционные процессы в современной России

Одним из важнейших аспектов глобализации как современных, так и постсовременных обществ выступают масштабные миграции населения. Понятие миграции в 1885 – 1889 гг. ввел в научный оборот английский ученый **Е. Равенштейн**, считавший, что *миграция* – это постоянное или временное изменение места жительства человека, т.е. его перемещение в иной населенный пункт. По примерным оценкам в различные виды миграции в наше время ежегодно вовлечено 2-3% населения планеты⁶¹.

---

⁶¹ Практическая демография / Под ред. проф. Л.Л. Рыбаковского. М., 2005. С.180 – 181.

Миграции бывают разными. Выделяют следующие их типы и виды:

1. По географическому признаку:

- внешние (международные)
  - ◆ иммиграция (въезд в страну)
  - ◆ эмиграция (выезд из страны)
  - ◆ реэмиграция (возвращение в страну, из которой эмигрант ранее выехал)
  - ◆ репатриация (возвращение на этническую родину)
- внутренние (внутригосударственные)

2. По времени пребывания мигранта на новом месте:

- постоянная (безвозвратная)
- временная (возвратная)
  - ◆ долгосрочная (более года)
  - ◆ краткосрочная (менее года):
    - регулярная (ежедневная маятниковая и пограничная)
    - нерегулярная (вахтовая, сезонная, челночная)

3. По целям:

- экономическая (трудовая и коммерческая)
- учебная
- туристическая
- религиозная
- в связи с воссоединением семей
- в связи с ведением традиционного хозяйства (кочевание)

4. По способам вовлечения в миграцию:

- добровольная
- вынужденная (вызвана войнами, политическими событиями, религиозными и этническими преследованиями)
- принудительная (перемещение заключенных в пенитенциарной системе, а также *депортации* – насильственные переселения людей, организованные государством)

5. По степени законности:

- легальная
- нелегальная.⁶²

---

⁶² Практическая демография. С.185 – 190.

Наряду с перемещением товаров и капиталов, миграции являются значимым фактором развития экономики. Но вместе с тем, они тесно связаны и с политикой. Часть миграций имеет политические причины: в иные страны едут не только за высокооплачиваемой работой и хорошим образованием, но и за свободой выражения своих убеждений (как Герцен), политическим убежищем (как Макиавелли) или просто политической стабильностью – как многочисленные беженцы из «горячих точек» нашей планеты. Кроме того, миграции вызывают политические последствия: массовая иммиграция евреев в Палестину привела в середине прошлого века к созданию Израиля и полувековому арабо-израильскому конфликту, а организаторы терактов в США 11 сентября 2001 г. были переселенцами из арабских стран.

И все же большинство миграций в наши дни происходит по причинам экономического характера. Так, по оценкам экспертов в СССР ~30% миграций было связано с обучением молодежи и распределением на работу, примерно столько же – со службой в армии и самоопределением после нее. Остальное – карьерный рост, переезд к супругу, туризм и т.д. В основном, переезжала молодежь до 30 лет.

В СССР, поскольку страна долгое время была закрытой от внешнего мира, доминировала внутренняя миграция. Она носила, главным образом, легальный характер. Для сталинской эпохи характерны большие масштабы принудительной и вынужденной миграции. Начиная с 1960-х гг., добровольная миграция стала преобладать. Эмиграция и иммиграция в РСФСР были относительно сбалансированы.

С распадом СССР структура миграции в России заметно изменилась. Внешние миграции, которые ранее были эпизодическими, по масштабам приблизились ко внутренним. С появлением гастарбайтеров, «челноков» и «новых русских туристов» резко возросли размеры временной миграции. Средний возраст мигрантов повысился: переселяться приходится даже тем семьям, которые обременены детьми и хозяйством. Существенным образом (до 10%) упал поток образовательной миграции: студентов, едущих учиться, сменили куда менее многочисленные преподаватели, едущие в филиалы своих вузов⁶³. Но главное – резко увеличились масштабы вынужденной и нелегальной миграции, что существенно повлияло на криминогенную обстановку. В страну хлынул поток очень бедных людей, привыкших у себя на родине к несоблюдению законов и низкой ценности человеческой жизни.

---

⁶³ *Зайончковская Ж.* Миграционная ситуация современной России // Полит. Ру [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.polit.ru/lectures/2005/01/26/migration.html>, свободный.

Общие количественные показатели миграции тоже заметно менялись. По данным Росстата показатели миграции на ПМЖ, достигнув своего пика в 1994 г., в дальнейшем только убывали: в 1994 г в Россию въехали 1,2 млн. чел., а в 2005 г. – только 177 тыс. чел., выехали в 1992 г. 673 тыс. чел, а в 2005 г. – только 70 тыс.⁶⁴ По данным Л.Л. Рыбаковского, пик миграций из стран «ближнего зарубежья» в Россию был достигнут также в 1994 г. и составил 727 тыс.чел., а выезда из России – в 1992 г. (272 тыс. чел.). В настоящее время масштабы легальной миграции намного скромнее: в 2007 г. в Россию из постсоветских государств въехало 92,3 тыс. чел, а выехало туда всего 14,2 тыс. чел.⁶⁵ Рубежный характер 1994/95 гг. объясняется, скорее всего, чеченской войной, а понижающий тренд – сокращением численности русской диаспоры в СНГ⁶⁶.

К этим показателям следует приплюсовать временных мигрантов – как легальных, так и нелегальных. По данным ФМС количество легальных трудовых мигрантов, работающих в России, стабильно растет: в 2003 г. – около 380 тыс., в 2004 г. - 460 тыс., в 2005 г. – более 702 тыс., в 2006 г. – более 1 млн. 150 тыс. человек. Среди крупнейших стран по поставке рабочей силы в Россию - 4 страны дальнего зарубежья (Китай, Турция, Вьетнам и КНДР) и 6 государств СНГ (Украина, Таджикистан, Узбекистан, Молдова, Армения, Азербайджан). Легальная трудовая миграция имеет множество позитивных социально-экономических аспектов для России. Трудовые мигранты заполняют многие «не престижные ниши» на рынке труда с тяжелыми условиями работы, на которые не всегда соглашаются местные жители. Этим поддерживается и стимулируется рост целых отраслей экономики. Наглядным примером может считаться развитие строительной отрасли в крупных городах России, которая основана на использовании дешевой рабочей силы из-за рубежа. В СНГ трудовая миграция породила мощный поток денежных переводов, поступающих из России в страны происхождения трудовых мигрантов их родственникам и семьям. Трудовая миграция стала не только средством выживания значительной части населения в регионе, но и реальным механизмом экономической интеграции, сближающим между собой население стран СНГ⁶⁷.

---

⁶⁴ Мичников А.А. Совершенствование миграционной политики в современной России: Автореф. дисс... канд. экон. наук. М., 2007. С.15.

⁶⁵ Рыбаковский Л.Л. Миграционный потенциал: понятие и критерии оценки // Социологические исследования. 2009. №2. С.37.

⁶⁶ Зайончковская Ж. Миграционная ситуация современной России.

⁶⁷ Мичников А.А. Указ. соч. С.16 – 17.

Экономисты и демографы утверждают, что Россия – одна из тех стран, которая нуждается в иностранной рабочей силе (ИРС). Сегоднешние демографические тенденции постепенно ведут к сокращению численности населения нашей страны. Уже через 10-15 лет в России будет остро ощущаться нехватка рабочей силы, особенно квалифицированной. И восполнить ее могут только мигранты, своих граждан явно не хватает. Однако миграционные процессы – такие же рыночные, как и другие в нашем мире. Трудоспособные мигранты – это не только ресурс, но и товар. И чем выше его качество, т.е. квалификация, тем выше цена – зарплата, условия жизни и т.д. Квалифицированный мигрант становится все более разборчивым. Россия с ее низкими зарплатами, неустроенностью быта, коррупцией и бытовой ксенофобией привлекает далеко не всех... Кто же именно может приехать в Россию?

1. Русские из стран СНГ. Когда-то их было 25 млн. За эти годы 6 млн. уехали – из них 5 в Россию, остальные в другие страны. Многие, особенно на Украине и в Балтии, адаптировались. Приехать могут ~2-4 млн., не более.

2. Титульные народы стран СНГ - азербайджанцы, таджики, узбеки, киргизы, татары. Молдаване уже переориентировались на Средиземноморье, украинцы и белорусы – на свою экономику. Да и кавказцев не так много, как может показаться по сообщениям СМИ.

3. Китайцы. «Есть миф о миллионах китайцев на Дальнем Востоке. Этого нет. Единовременное присутствие китайцев в России максимально оценивается в 0,5 миллиона человек. Из них больше всего на Дальнем Востоке и в Москве, Московской области — примерно равное количество»⁶⁸.

4. Теоретически источником мигрантов может послужить и Африка. Но культурно они от россиян дальше всех, образовательный статус самый низкий. Да и климат у нас для них неподходящий☺.

Очевидно, что большинство потенциальных мигрантов придут в Россию без необходимой квалификации и культурной подготовки. Таким образом, чтобы поддержать российскую экономику и не создать при этом дополнительных социальных и политических проблем, необходима эффективная **миграционная политика**, направленная на привлечение в Россию квалифицированных мигрантов, их адаптацию и натурализацию. Для этого необходима разработка и внедрение целого комплекса механизмов:

---

⁶⁸Зайончковская Ж. Миграционная ситуация современной России (данные 2005 г.).

- **миграционные фильтры** – возрастной, образовательно-квалификационный, медицинский, имущественный и социокультурный (расовый, этнический, религиозный, языковой критерии, личностные характеристики, политические убеждения и др.) цензы, квотирование и географический фильтр.
- **организационно-финансовые инструменты**: взносы иностранца за оформление иммиграционного статуса и трудоустройство в стране, рекламирование работодателем в СМИ вакансий, на которые предполагается привлечь ИРС; гарантии выезда ИРС в установленные сроки, гарантии материального, медицинского, коммунального обеспечения ИРС на период пребывания, платежи нанимающей стороны за использование ИРС и др.
- **административно-правовые инструменты**: санкции за нарушение порядка иммиграции, порядок амнистии и легализации незаконных мигрантов, контроль за въездом и пребыванием иностранных граждан.
- **запреты на въезд / найм ИРС** подразделяются на явные и скрытые.
- **каналы натурализации**: служба в вооруженных силах страны; обучение в вузах и получение необходимых народнохозяйственному комплексу специальностей; участие в деятельности с высокой долей интеллектуального труда; воссоединение семей; поощрение этнокультурного многообразия⁶⁹.
- обучение мигрантов русскому языку и культуре.

3. Русский национализм как феномен отечественной политики

Выработке эффективной миграционной и шире – национальной политики России препятствует не только недооценка экономического значения и конфликтогенного потенциала миграционных процессов, но и сознательная политизация многих аспектов государственного управления. Особое внимание к этой проблематике проявляют сторонники одной из распространенных в современной России идеологий – **русского национализма**.

Понятие *национализма* является одним из самых дискуссионных в политической науке. В рамках данной темы мы будем понимать под национализмом характерный для современности «комплекс идеологических представлений и политической практики, в котором централь-

---

⁶⁹Таскаева С.В. Государственное регулирование внешней трудовой миграции в субъекте Российской Федерации: Автореф. дисс... канд. полит.наук. Чита, 2007. С.21.

ное место занимают интересы нации»⁷⁰. Структура национализма включает в себя такие элементы, как национальная идеология, национальное самосознание, институты и нормы, упорядочивающие массовую активность представителей нации, национальная элита⁷¹. В структуре националистической идеологии ключевую роль играют 2 идеи: исторический миф «общности прошлого» («мыс тобой одной крови») и политический идеал «общности будущего». Связка этих двух элементов обеспечивает исполнение главных функций этой идеологии – *легитимации* политического порядка, адекватного взглядам националистов, и национальной *мобилизации* в случае его нарушения⁷².

Формирование имперской государственности в России влекло за собой преимущество государственной и религиозной идентификации ее населения по сравнению с этнической и национальной. Это обстоятельство выводило в оппозицию все политические группы, имевшие в своей идеологии хоть какой-то оттенок национализма. И пока государственность оставалась имперской – не столько по форме, сколько по содержанию – национализм был инакомыслием или прямой оппозицией режиму.

Отдельные фрагменты националистических идей обнаруживают себя в России довольно рано: достаточно вспомнить выступления Ю. Крижанича против «чужебесия» в XVII в. или теорию «официальной народности» в XIX в. Но как относительно целостная идейно-политическая позиция и стабильный, институциональный элемент политического спектра русский национализм сложился и впервые проявил себя на рубеже XIX–XX вв. В эти годы сформировались крайне правые националистические клубы и союзы, движения и партии («Русское собрание», а затем Союз русского народа и «Союз Михаила Архангела»). Их представители выступали с трибун 2-й, 3-й и 4-й Государственных дум, их мнения были постоянно представлены на страницах печатных изданий, им открыто симпатизировали двор и царь. Националистам были свойственны антисемитизм, антиреволюционность, а также «квасной патриотизм», православный клерикализм и самодержавный монархизм.

«Второе пришествие» русского национализма пришлось на 1930-е – 1940-е гг., когда вместо идеи мировой революции сталинский режим принял идеологию «построения социализма в одной отдельно взятой

---

⁷⁰ Сидорина Т.Ю., Полянников Т.Л. Национализм: теория и политическая история. М., 2006. С.35.

⁷¹ Топорков В.А. Национализм в постсоветской России... С.14.

⁷² Гудков Л., Дубин Б. Своеобразие русского национализма // Pro et Contra. 2005. Т.9. №5. Сентябрь — октябрь. С.6.

стране». На рубеже 40-х – 50-х гг. с началом «холодной войны» ее дополнила риторика «борьбы с космополитизмом и низкопоклонством перед Западом». Третий подъем русского национализма наблюдался в период брежневского застоя как реакция на хрущевский антисталинизм, «Пражскую весну», движение диссидентов и т.п.⁷³

В обстановке крушения официальной коммунистической идеологии в России именно националистические идеи быстрее всего проявили себя и заполнили образовавшийся идеологический вакуум. К сожалению, идея «российской нации», альтернативный проект гражданского национализма в России, заявленный в ст.3 ее Конституции, не осуществился. Причинами этого стали отсутствие консенсуса по поводу фундаментальных ценностей, а также сопротивление этому проекту, как со стороны русских националистов, так и этнических сепаратистов⁷⁴.

В последнее десятилетие XX в. национализм развивался главным образом в российских республиках, проявляясь в росте антирусских настроений и выдавливании русских с ключевых экономических и политических позиций. Но с начала 2000-х гг., как полагают некоторые исследователи, на смену малому национализму республик приходит большой и агрессивный русский национализм. Он возрождает дореволюционный миф о русском народе-богоносце, его уникальных духовных качествах и мессианской роли в мировой истории. Но этот миф дополняется неявной предпосылкой в виде требования безусловной преданности граждан своему государству и готовности пожертвовать для него своими политическими правами и свободами⁷⁵.

Благоприятной почвой для возрождения русского национализма в современном российском обществе послужили и такие условия, как кризис идентичности, ухудшение экономической ситуации и жизненных условий большинства населения страны, в том числе русского народа, в результате неэффективного проведения реформ и обострение этнополитической ситуации внутри и вокруг России. В его появлении играет роль и наследие прошлого – амбивалентная советская национальная политика, «институционализация этничности» и связанная с ней ориентированность людей на этническую идентичность⁷⁶.

---

⁷³Гудков Л., Дубин Б. Указ. соч. С.9 – 10.

⁷⁴Чжан С.Х. Кризис проекта строительства «российской нации» и тенденции современного русского национализма // Журнал ПОЛИТЭКС [Электронный ресурс]. М., 2005 – 2010. Режим доступа: <http://www.politex.info/content/view/537/30/> свободный.

⁷⁵Бусыгина И., Захаров А. Sum ergo cogito. Политический мини-лексикон. М., 2006. С.125.

⁷⁶Ким Тэ Юн Русский национализм и его особенности в современной России: Автореф. дисс... канд. полит.наук. М., 2006. С.11.

Существенную роль в активизации русского национализма в постсоветский период сыграл и т.н. «русский вопрос», т.е. вопрос о статусе русского населения в странах «ближнего зарубежья». Факты дискриминации русских и массовой *руссофобии*, особенно в Прибалтике, Закавказье и Средней Азии, а также в некоторых российских республиках, порождали напряженность в межгосударственных отношениях и использовались для нагнетания националистических настроений внутри России.

Современный русский национализм довольно разнообразен. С точки зрения политико-психологического содержания в его составе выделяются такие установки, как *антисемитизм*, *ромафобия*, близкая к ним по смыслу *исламофобия* с переходом в *кавказофобию*, а также *мигрантофобия*. Последняя разновидность ксенофобии имеет наибольший потенциал в качестве механизма спекуляции на общественных настроениях со стороны политических деятелей. Борьба с миграцией стала основным лозунгом наиболее политически активной части национал-радикалов, причем зачастую под этой борьбой подразумевается враждебное отношение ко всему условно му»⁷⁷. После событий 2006 г. в карельском городе Кондопога это течение в национализме, представленное «Движением против нелегальной иммиграции» получило довольно широкую известность.

Кроме того, характерными чертами современного русского национализма исследователи называют государственничество/державность и этноцентризм. Под *государственничеством* понимается ориентация на укрепление могущества Российского государства и его возрождение в качестве великой державы⁷⁸. *Этноцентризм* по определению В.С. Малахова – «мышление, базисной категорией которого и исходным пунктом при объяснении социальной реальности в котором выступает этнос»⁷⁹.

В зависимости от характера взаимодействия идеологии и политической практики выделяются 2 модели русского национализма:

1. **«Классическая» модель.** Ей свойственна жесткая зависимость политической практики от идеологических ценностей и иерархичность в постановке и реализации идеологических целей. К ее разновидностям относят:

---

⁷⁷ Шарова В.Л. Идеология радикального национализма в современной России: Автореф. дисс... канд. полит. наук. М., 2008. С.18 – 22.

⁷⁸ Ким Тэ Юн Указ. соч. С.22 – 23.

⁷⁹ Малахов В.С. Преодолимо ли этноцентрическое мышление? // Расизм в языке социальных наук. СПб., 2002. С.11.

- **этнический национализм**, основанный на идее «кровного» родства и «врожденности» национальной идеи (РНЕ, РНРП). Они создают военизированные дружины и выступают под лозунгом «Россия для русских!»
- **патриархальный национализм**, уподобляющий нацию «большой семье» и ссылающийся на общинные традиции русской деревни. Его сторонники склонны идеализировать допетровскую Русь и вести просветительскую деятельность, обычно примыкая к КПРФ. Ведущие идеологи – В. Белов, В. Распутин, А. Солженицын, И. Шафаревич.
- **державный национализм** (РНС, часть КПРФ, «Державный союз», ОПД «Духовное наследие» А. Подберезкина, газета А. Проханова «Завтра»). Его сторонники пропагандируют идею безальтернативности державы как типа российского государства. Основами такой державы они считают мощный военный потенциал, жесткую вертикаль власти, приоритет управляемой государством экономики. Используется также лозунг «соборности» в смысле приверженности русского народа православным традициям, социальной справедливости и «духу суверенности нации».

2. **Постклассическая модель** национализма отличается тем, что ее политическая практика более прагматична и не скована идеологическими ценностями. Ее видами можно считать:

- **национал-популизм** ЛДПР, успешно сочетающий традиционную политическую риторику («Единая и неделимая Россия») с ориентацией на потребительские настроения российского обывателя. Он является рационализацией националистических чувств и опирается на люмпенизированные слои российского электората.
- **прагматический национализм** Ю. Лужкова, Ю. Скокова и др. Он не связан с национальными чувствами, и лишь использует национальные ценности для достижения желаемых политических результатов. Поэтому он легко находит точки соприкосновения с представителями иных идейно-политических течений⁸⁰. Именно эта версия национализма оказалась особенно востребованной в правящих кругах России в последние годы.

Интегральная идеологическая платформа современного русского национализма включает в себя следующие основные элементы:

---

⁸⁰ *Исаев Б.И., Баранов Н.А.* Указ. соч. С.387 – 388.

- *патриотизм* как признание высшей ценностью не блага «человечества в целом», а процветание, прежде всего своей Родины – России;
- *антизападничество*, или враждебное отношение к Западу (прежде всего – США), отрицание его культуры и политических ценностей;
- *империализм*, выражающийся в стремлении воссоединить с Россией бывшие союзные республики (если не все, то, по крайней мере, славянские);
- *православный клерикализм*, или желание укрепить в обществе авторитет Русской Православной Церкви и усилить влияние православной иерархии на государственные дела;
- *милитаризм*, т.е. установка на возрождение России как «военной сверхдержавы», отказ от политики разоружения и стремление к реставрации ВПК;
- *авторитаризм* – неприятие либеральной демократии, любовь к «сильной власти» и «твердой руке», надежда на харизматического вождя, намерение «установить в стране порядок и дисциплину»;
- *культурный монотелизм*, или критика индивидуализма и эгоизма, поощрение коллективизма («соборность»), осуждение «безнравственности и распущенности» СМИ;
- *ксенофобия* – недоверчивое и подозрительное отношение к «иногородцам», людям других рас, наций и вероисповеданий, стремление ограничить въезд мигрантов в Россию, ущемить их правовой статус и, по возможности, вытеснить из страны;
- *экономический дирижизм*, или требование широкого государственного вмешательства в экономику, национализация стратегических отраслей, стремление защитить отечественного производителя от конкуренции со стороны иностранцев, патерналистская социальная политика;
- *демографический пессимизм*, выражающийся в излишне мрачных, даже алармистских оценках демографических трендов («депопуляция»), в страхе перед вырождением и исчезновением русского народа и стремлением противодействовать этому всеми возможными средствами⁸¹.

Нетрудно заметить, что часть представлений из этого ряда является достаточно распространенными и свойственными риторике российских властей. Это позволяет говорить о доминировании в современной

---

⁸¹ Сидорина Т.Ю., Поляников Т.Л. Указ. соч. С.341 – 342.

России *официального национализма* по классификации Бройи. Поэтому в настоящее время *сепаратный* и *радикальный* типы национализм в России находится на периферии политики. Но в случае резкого ухудшения социально-экономического положения они легко могут актуализироваться.

4. Националистический дискурс и его институционализация в российской политической практике

Одним из важных аспектов этнополитической ситуации в современной России является формирование *националистического дискурса*. Этим понятием мы будем именовать коммуникативную практику, порождающую специфическое смысловое пространство, которое состоит из понятий и концептов, и несет в себе выраженные признаки установок (расизм, ксенофобия и т.п.) и ценностей (нация, народ, раса и т.д.), характерных для идеологии этнического национализма. Британский философ И. Берлин выделил следующие элементы такого дискурса:

- убеждение в том, что принадлежность нации представляет собой фундаментальную характеристику человеческого существования;
- представление о нации, как об организме и о взаимодействии между членами нации как членами единого организма;
- вера в моральный авторитет принципа нации: некоторое действие является хорошим (морально одобряемым) не потому, что соответствует определенному нравственному критерию, а потому, что служит пользе нации, которой принадлежит говорящий;
- выдвижение «нации» в качестве главного основания всех притязаний на власть и авторитет⁸².

В отличие от национального (т.е. просто соотносимого с определенной нацией), националистическим дискурс делает его политическая заостренность, конфронтация с иными идейно-политическими позициями. В этом смысле, говоря словами В.С. Малахова, национализм – это «один из работающих в политическом поле дискурсов»⁸³. В России источниками такого дискурса исследователи называют:

- бытовые этнические стереотипы и клише бытовой ксенофобии;
- идеологемы политического православия;

⁸² Цит. по: Малахов В.С. Национализм как политическая идеология. М., 2005. С.124.

⁸³ Малахов В.С. Еще раз о националистическом дискурсе // Интеллектуал. Ру [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://intellectuals.ru/malakhov/izbran/3nacional.htm>, свободный.

- антилиберальные и антизападные установки обыденного сознания;
- антидемократические мобилизационные и милитаристские формулы;
- примордиалистские этнографические понятия расы, этноса, нации;
- базовые концепты «государственнической» историографии и «цивилизационно-ориентированной» историософии, абсолютизирующей российскую самобытность⁸⁴.

В рамках данной лекции мы рассмотрим только 2 механизма институционализации националистического дискурса: язык СМИ и учебники по истории.

Политический язык является одной из значимых составляющих социальной реальности. Он выступает не только в качестве средства политической коммуникации, способа оформления политических идей, но и в определенной степени воздействует на их содержание: «Как вы яхту назовёте, так она и поплывет» - эти слова капитана Врунгеля для политики особенно актуальны. Терминология, понятийный контекст ее употребления, совместимость/антагонизм понятий/концептов существенно влияет на восприятие политических сообщений и позиций.

В значительной мере современный политический язык формируется средствами массовой коммуникации. Поэтому дискурсивные практики СМИ играют решающую роль в способах высказывания людей о национальных проблемах. Отечественный язык СМИ очень этноцентричен; так в российском медиа-языке понятия «народ», «нация» и «этнос» часто используются как синонимы. При этом утвердился устойчиво отрицательный смысл употребления таких понятий как «*национализм*», «*национал-патриоты*». Говоря, например, о криминальных событиях, журналисты редко забывают указать на этническую принадлежность их участников. Особое внимание проявляется к выходцам с Кавказа, о которых в сознании российских обывателей сложился стереотип вспыльчивости, воинственности, склонности к нарушению закона и бандитизму. Во многом благодаря СМИ из полицейских протоколов в постсоветский лексикон прочно вошел термин «*лицо кавказской национальности*», который относится ко всем кавказцам без разбору и ассоциируется со спекуляцией, наркоторговлей, терроризмом и иными мрачными приметами нашего смутного времени.

---

⁸⁴Зверева Г. Националистический дискурс и сетевая культура // Pro et Contra.2005.Т.9. №5. Сентябрь — октябрь. С.27.

Можно привести следующий пример актуализации националистического дискурса:

«Сотрудники правоохранительных органов Ростова-на-Дону предотвратили драку между отставными спецназовцами и выходцами с Северного Кавказа. Об этом сообщает РИА Новости.

Инцидент едва не произошел в центре города вечером в воскресенье, 29 августа - в "День спецназа Вооруженных сил". На Пушкинской улице возле центрального парка города собрались около 30 бывших сотрудников войск специального назначения. Неподдалеку находилась группа из 200 кавказцев.

Как отмечают в пресс-службе городского УВД, далее между спецназовцами и кавказцами "вышел словесный конфликт". Начало конфронтации зафиксировали камеры наружного видеонаблюдения, после чего на место были направлены наряды патрульно-постовой службы, вневедомственная охрана и 26 бойцов ОМОНа.

Прибывшие силы милиции перекрыли Пушкинскую улицу и отгородили конфликтующие стороны друг от друга. "Драку удалось предотвратить", подчеркнули в УВД Ростова-на-Дону. Задержаний в ходе описанных событий не проводилось. **С какой целью в центре города находилась организованная группа из 200 кавказцев, не уточняется**.⁸⁵

Не менее интересным примером дискурсивного национализма можно считать категоризацию «русский – российский». На первый взгляд, она аналогична разграничению “English – British” в английском языке: русский – это этноним, а российский – указание на гражданство. Вроде бы разумно считать, что все граждане России – россияне, но в реальности будет говориться про «великого русского ученого» Павлова и про «великого российского ученого» Гинзбурга. В результате термины «русский» и «россиянин» оказываются маркерами этнической инаковости. При этом существует вариант «русского», который не является «российским» (скажем, русские граждане балтийских стран), но такой вариант просто не учитывается (упомянутых граждан определяют еще более смутным термином «соотечественники»)⁸⁶.

Главные структурообразующие единицы этнонационалистического дискурса — «мы» (русские) и «они» (инородцы, «кавказцы», мигранты, либералы-демократы, олигархи, Запад, США, внешние и внутренние враги). Этнокультурная доминанта противопоставления «мы — они» выражает себя в стереотипах бинарных оппозиций, призванных

---

⁸⁵Ростовский ОМОН разнял бывших спецназовцев и кавказцев // Лента. Ру[Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lenta.ru/news/2010/08/30/rostov/свободный>.

⁸⁶Борьба за русский национализм. Резюме открытого семинара "Полит.ру" // Полит. Ру[Электронный ресурс]. Режим доступа:<http://www.polit.ru/author/2006/10/06/tez.html>, свободный.

подтвердить уникальность и высшую значимость «наших основ»: истории, территории, языка, культуры, ценностных и психологических установок. Опорными знаками-маркерами в русском этнонационалистическом дискурсе служат такие ключевые слова, как:

- русские, русский народ, русская нация;
- русский суперэтнос;
- чужой, инородец, «кавказец»;
- враги: либералы-демократы, нерусские олигархи, террористы, Запад, США;
- русский коллективизм (соборность), славянская общность;
- русская православная общность, православная духовность, мессинская роль православия в мире;
- культурная самобытность России, русская цивилизация, особый путь России;
- русская (российская) держава, сильная государственная власть, порядок;
- всеобщая мобилизация сил русской нации, отпор врагам и защита от врагов.⁸⁷

Этнонационалистический дискурс, в угоду политкорректности постепенно вытесняемый из официальных печатных изданий и передач ведущих телеканалов, нашел своё место в Интернет-пространстве. Характерным примером служат такие интернет-издания, как «Русский журнал», «Золотой лев: Издание русской консервативной мысли» (выросший из журнала Конгресса русских общин «Континент — Россия»), «Спецназ России», а также «православно-аналитический» сайт «Правая.ру».

Официальный дискурс ведущих телеканалов также не остается в стороне от конструирования национальной идентичности. Подтверждением тому можно считать результаты телевизионного проекта «Имя России», состоявшегося в 2008 г. Хотя итоги этого проекта нельзя в полной мере сравнивать с научным исследованием, они все же довольно показательны. Более полумиллиона из почти 4,5 млн. голосовавших выбрали национальным символом нашей страны князя Александра Невского – средневекового полководца и правителя, признанного православной церковью святым. Эта кандидатура идеально вписывается в традиционные для России параметры героического.

В этом контексте не удивительно, что на третьем месте в этом массовом рейтинге вышел И.В. Сталин – правитель и Верховный Главнокомандующий, с именем которого поколение фронтовиков неразрывно

---

⁸⁷Зверева Г. Указ. соч. С.31 - 32.

связывает Победу в Великой Отечественной войне. Причем на протяжении длительного времени Сталин и вовсе лидировал, что заставило организаторов проекта во избежание политического скандала признать это лидерство следствием хакерской атаки и обнулить счетчики голов.

Вполне логично присутствие на вершине рейтинга этого проекта имен других «грозных царей»: Петра I (5-е место), В.И. Ленина (6-е), Ивана IV (10-е), и даже Екатерины II (11-е), чье имя очевидно ассоциируется не только с реформами, но и с победами русской армии и подавлением пугачевского бунта. Вполне естественны здесь и великий полководец А.В. Суворов (8-е место), и император Александр II (12-е место) – не столько за освобождение крепостных крестьян, сколько за возрождение могущества империи после проигранной Крымской войны и победу над турками. Несколько «выпадает» из этого ряда премьер-министр начала XX века П.А. Столыпин (2-е место), известный главным образом как «силовик-реформатор», вполне сопоставимый по имиджу с Петром I.

Столь же логично, что даже самый известный из великих деятелей русской культуры – А.С. Пушкин оказался в списке «имен России» лишь четвертым, Ф.М. Достоевский – седьмым, а Д.И. Менделеев – девятым. Никто другой из деятелей российской науки и культуры в число 12 самых значимых имен не попал⁸⁸. Таким образом, пантеон официальных героев ориентирует русскую национальную идентичность на милитаризм, готовность терпеть репрессии и поддерживать реформы.

Обращение к учебникам истории в рамках данной темы объясняется несколькими причинами. Именно историческое образование отвечает за формирование в процессе политической социализации индивида тех представлений, на которые опирается национальная идентичность. По данным социологов, учебники, кинофильмы и телепередачи в последнее десятилетие устойчиво лидируют среди источников информации россиян об историческом прошлом своей страны⁸⁹. Кроме того, национализм, как и консерватизм, является одной из самых исторически ориентированных идеологий. Наконец, крушение коммунистической идеологии повлияло на исторические представления в пост-

---

⁸⁸ *Имя России. Исторический выбор 2008* [Электронный ресурс] / Телеканал «Россия», Институт российской истории РАН, Фонд «Общественное мнение». – М., 2008-2010. – Электрон. дан. – URL: <http://www.nameofrussia.ru>, свободный (дата обращения 21.02.2010).

⁸⁹ *Покида А.* История государства в оценках россиян // *Власть.* 2009. №12. С.102.

советских государствах столь сильно, что сами историки говорят о кризисе исторического сознания на рубеже веков.

Общей тенденцией исторического сознания в российских республиках и постсоветских государствах является стремление дистанцироваться как от России и СССР, так и от советской версии прошлого. Целый ряд явлений и персонажей истории оцениваются с противоположным знаком, чем ранее, а история самих нерусских народов сознательно «удревняется», чтобы подчеркнуть историческую самостоятельность по отношению к России.

Так на Украине в некоторых учебниках истории появились специальные разделы под названием «Русификация». Широкое распространение в украинских учебниках получила новая концепция истории, согласно которой непродолжительные периоды независимости Украины (Киевская Русь, Казацкая держава сер. XVII в., УНР 1918 – 1920 гг.) сменялись долгими эпохами угнетения Россией. События 1917 – 1920 гг. изображаются не как гражданская война, а как военно-большевистская экспансия⁹⁰. Исторические образы И. Мазепы, С. Петлюры, С. Бандеры и др. националистов получают положительную оценку. А голод 1932/1933 гг. официально именуется «Голодомор» и часто сводится к акции геноцида украинцев тоталитарными москалями.

В Татарстане часто подчеркивается, что татары являются прямыми и непосредственными наследниками волжских булгар. Также в учебниках все чаще повторяется мысль о значительном вкладе ордынского этнокультурного пласта в этногенез татар, о Золотой Орде как о конгломерате тюркских народов. Выстраивается последовательность «государств татарского народа»: Тюркский каганат, Кимакский каганат, Хазарский каганат, Великая Болгария, Волжская Булгария, Золотая Орда, Крымское, Сибирское, Астраханское ханства, Ногайская орда и Большая Орда... С момента падения Казанского ханства, московско-русская история приобретает в учебниках «монстровидные» черты, а татарская – черты жертвы⁹¹.

В официально рекомендованных властями российских учебниках явных националистических выпадов нет. Однако существует обширная околопедагогическая литература, куда более откровенная по содержанию. Так 1-й том книги О. Платонова «Терновый венец России», выстроенной по форме как учебник по русской истории XX в., содержит такие разделы, как «Возвышение России», «Святая Русь и окаян-

---

⁹⁰ См.: Национальные истории в советском и постсоветских государствах. М., 1999. С.127 – 128.

⁹¹ Там же. С.134 – 135.

ная нерусь», «Разрушение Русского государства», «Во власти еврейского Интернационала» и др.⁹²

В этой связи вызывает большой интерес та версия нашей истории, которую предлагает обществу современное Российское государство. Эта версия почти целиком концентрирует внимание обучающихся на событиях, фактах, явлениях и процессах общегосударственного масштаба, оставляя крайне мало место региональной и местной истории, которая нагляднее и в силу этого – интереснее для них. Регионы в официальной истории если и упоминаются, то либо в период политической раздробленности Руси (когда единого центра просто не было), либо в связи с их завоеванием/вхождением в состав Российского государства, либо в связи с изучением географического размещения экономики страны. Российская история – это практически исключительно история столиц, где регионам положено только вовремя войти в состав единого государства и крепить его экономическую мощь. Не удивительно, что на основе такой истории гражданам почти невозможно выработать у себя адекватное и исторически понятное представление о федеративном устройстве государства и сущности его многонационального характера. Поэтому многие из них до сих пор воспринимают многонациональность России в русле привычной имперской традиции, а ее федеративный статус – и вовсе как историческое недоразумение.

---

⁹²См.: Национальные истории в советском и постсоветских государствах. С.389 – 394.

Глава 3. ПРОБЛЕМЫ ДЕМОКРАТИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

1. Отечественная политическая наука о демократии в России

К концу XX в. феномен и ценность демократии приобрели столь широкое распространение в современном мире, что именно отношение к демократии часто рассматривается в качестве точки отсчета для анализа политической системы и политического режима той или иной страны. Учитывая глобальную тенденцию перехода множества государств к демократическому устройству, можно сказать, что XX в. стал веком демократизации. При этом само понятие демократии в современном мире является крайне многозначным и вызывает немало дискуссий. Например, не вполне устоялись «стандарты демократии» применительно к незападным обществам. Вызывают сомнения и попытки США «экспортить демократию» с помощью так называемых «гуманитарных интервенций» в Югославию, Афганистан, Ирак.

Согласно Конституции 1993 г., российское государство юридически считается демократическим. Однако при характеристике современной российской политики понятие демократии если и употребляется, то всегда с существенными оговорками. Даже идеологи правящих кругов самой России В. Сурков, Г. Павловский и др. говорят о «*суверенной демократии*», под которой понимают известное ограничение классических демократических институтов во имя сохранения государственного суверенитета России перед лицом американской экспансии⁹³. В подобном же стиле выдержаны и работы политологов, близких к официальным кругам. Например, Н.А. Баранов пишет о том, что «в современной России все отчетливее проявляются характерные черты демократии» и упоминает лишь об авторитарных тенденциях в ее развитии. Он склонен связывать эти тенденции с особенностями модернизации России, конституционной формулой разделения властей, и также такими факторами, как распространение терроризма, наличие бандформирований, перманентный рост преступности; природные катаклизмы; этнорегиональные и конфессиональные конфликты; нестабильность ситуации внутри правящих элит⁹⁴.

Остальные политологи и политические аналитики предпочитают говорить о «полудемократии» или разного рода «демократии с прилагательными». По словам главного редактора журнала «Pro et contra» **Марии Липман** «возникла целая терминологическая серия «демокра-

⁹³ См. напр.: Суверенная демократия: от идеи к доктрине. М., 2007.

⁹⁴ Баранов Н.А. Эволюция современной российской демократии: тенденции и перспективы. СПб., 2008. С.118.

тий с эпитетами): кроме знакомой нам «управляемой демократии» имеются еще «фасадная», «формальная», «неполная», «частичная», «нелиберальная», «электоральная», «слабая», «виртуальная», а также «псевдо- и полудемократия», и это еще неполный список»⁹⁵. Сама же М. Липман вслед за американским политологом Т. Карозерсом полагает, что либерализация посткоммунистических режимов в сферах экономики и повседневной жизни не имеет отношения к демократическому процессу. Поэтому потенциал демократической эволюции России она оценивает как крайне низкий, а для оценки политического режима 2000-х гг. использует понятие «стабильная недемократия»⁹⁶.

Немало и таких авторов, которые вовсе отказывают России в причастности к демократии, особенно со времени проведения реформ В.В. Путина. Пожалуй, наиболее жесткую позицию в отношении наличия и потенциала демократии в России занимает бывший президент РАПН, директор ИНИОН, академик РАН **Ю.С. Пивоваров**. В своем интервью обозревателю «Русского журнала» он четко определил, что демократия представляет собой продукт западной цивилизации. Соответственно, все остальные общества недемократичны просто потому, что они – не Запад. Поэтому трудно ожидать, что ценности рыночной экономики, либеральной демократии и правового государства могут прижиться где-нибудь, кроме Европы и ее переселенческих колоний. «В России они приживаются настолько, насколько Россия европеизирована и близка к Европе. Лично мне либеральная демократия западного образца импонирует. Но, **будучи русским человеком, я должен сказать, что в России демократии никогда не было, нет и в обозримом будущем не будет.** Большинство населения по-прежнему не готово к такому повороту событий»⁹⁷.

Сходную позицию занял и **А.Л. Андреев**, который предложил для политического режима 2000-х гг. в России название «**единизм**». Главными чертами этого режима называются:

- отсутствие публичной политической конкуренции,
- монополизация политического пространства «Единой Россией»,
- интенсивное применение в ее пользу административного ресурса,

---

⁹⁵ Липман М. Демократия: формальная и управляемая // Трудности перехода: демократия в России. М., 2004. С. 10.

⁹⁶ Там же. С.11.

⁹⁷ Пивоваров Ю.С. Демократия = Запад // Русский журнал. 2009. №21 (35). С.10 (выделение оригинала).

- концентрация фактических полномочий власти в руках главы государства,
- замещение реальных институтов гражданского общества суррогатами типа Общественной палаты РФ,
- политическая пассивность большинства населения,
- нарастающее недовольство и рост протестной активности социально неблагополучных слоев⁹⁸.

Эти мнения являются крайними позициями. Обычно политологи признают в той или иной степени авторитарный характер современного российского режима, но перспективы его демократической эволюции оценивают несколько более оптимистично. Так, **Г.В. Голосов** оценивает политический режим позднего Путина как *электоральный авторитаризм*. Он полагает, что в 1990-х гг. Россия представляла собой раздробленный конгломерат региональных авторитарных политий. В первой половине 2000-х была преодолена политическая раздробленность страны и возникли политические возможности дальнейшей ее демократизации, особенно на уровне субъектов Федерации. Однако падение показателей «Единой России» на региональных выборах 2004 – 2006 гг. так напугало федеральную элиту, что дальнейшие изменения партийного и избирательного законодательства были направлены только на подчинение всего политического пространства интересам ЕР. Особенно сильное давление было оказано на губернаторский корпус. После того, как в 2007 г. Путин лично возглавил думский список «партии власти», «у губернаторов, пользуясь афористическим высказыванием Егора Строева, были только две дороги — в «Единую Россию» или в тюрьму. И они расстарались, кое-где (как в некоторых республиках Поволжья и Северного Кавказа) с усердием, попирающим здравый смысл»⁹⁹.

Таким образом, на смену стратегии частичной демократизации регионов в интересах федерального авторитаризма пришла стратегия, «основанная на включении регионального авторитаризма в структуру общероссийской авторитарной власти. Эта стратегия может быть описана как компромисс между местными элитами: правящая группа требует от них политической поддержки в вопросах общегосударственной важности, а также обеспечения «правильного» голосования на федеральных выборах, а взамен дарует им монопольный контроль над

---

⁹⁸ Андреев А.Л. Власть и общество в современной России // Перспективы [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.perspektivy.info/rus/gos/vlast_i_obschestvo_v_sovremennoyi_rossii.htm, свободный.

⁹⁹ Голосов Г.В. Электоральный авторитаризм // Pro et contra. Январь – февраль 2008. №1. С.32.

«своими» регионами. Обеспечение «нужного» голосования — важнейшая функция нынешнего политического режима — как раз и позволяет определять его как электоральный авторитаризм¹⁰⁰.

При этом Голосов не отрицает возможности эволюции сложившегося режима в направлении реальной демократии. Для этого, полагает он, должен быть выполнен целый ряд условий:

- восстановить свободу ассоциаций, в максимальной степени облегчив регистрацию политических партий и законодательно обеспечив им возможности для беспрепятственного участия в выборах;
- вернуть партиям право на создание предвыборных коалиций;
- следует отменить завышенный заградительный барьер на выборах всех уровней;
- целесообразно было бы отказаться от чисто пропорциональной, закрыто-списочной избирательной системы как в России в целом, так и в тех регионах, где она введена¹⁰¹.

По мнению **К.Г. Холодковского** в России сложился *плебисцитарно-бюрократический режим*, сопоставимый с бонапартизмом Наполеона III и некоторыми латиноамериканскими режимами¹⁰². Раскрывая сущность этого определения, исследователь указывает на превращение главных выборов – выборов президента страны – в плебисцит, т.е. в одобрение низами выбора, сделанного «наверху». При этом у самих «низов» нет никаких каналов продвижения своих политических интересов, а глава государства остается единственной фигурой, которая пользуется доверием населения. Все же политические институты не имеют такого доверия и являются легитимными настолько, насколько наделены полномочиями «свыше».

Бюрократический характер российской политики проявляется в том, что главным центром принятия политических решений в ней является бюрократический орган – Администрация президента. Она не является конституционным органом власти, а лишь упоминается в ст.83 Конституции как технический орган, обеспечивающий работу президента. В системе государственной власти произошел сильный перекосяк полномочий от представительных органов к исполнительным, а в деятельности самих исполнительных органов – от официальных механизмов к неформальным, закрытым, теневым отношениям. Системный характер

---

¹⁰⁰ Голосов Г.В. Указ. соч. С.33.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² Холодковский К.Г. К вопросу о политической системе современной России // Полис. 2009. №2. С.9.

приобрели коррупция и так называемая «партия власти»¹⁰³. Даже демонстративное соблюдение В.В.Путиным норм Конституции об ограничении сроков пребывания в должности президента не приводит в России 2000-х к реальной смене власти. По мнению Холодковского, в России после 2008 г. сложился не дуумвират и не двоевластие, а тандем, где есть «старший» и «младший» участники¹⁰⁴.

С мнением К.Г. Холодковского согласны и многие другие авторы. Так идеологи «Справедливой России» **Л. Никовская** и **В. Якимец** полагают, что бюрократические институты «в отсутствие консолидированного гражданского общества из инструмента управления превращаются в управляющую силу»¹⁰⁵. Как пишет обозреватель Фонда Карнеги **Л. Шевцова**, «при Путине выборное самодержавие уступило место бюрократическому авторитаризму»¹⁰⁶. По словам **Д. Фурмана**, коррупция стала настолько всепроникающим явлением, что это уже не «порча» государственного механизма, это сам механизм¹⁰⁷. Эту мысль фактически подтвердил и сам новый президент, когда уже после официального интервью обмолвился о том, что исторически коррупция – это один из сопутствующих механизмов осуществления власти в стране и если ударить по корням этого механизма, может развалиться вся система. Поэтому бороться с коррупцией нужно масштабно, но осторожно и изящно¹⁰⁸.

Более мягкий вариант трактовки проблем российской демократии предлагает **С.П. Перегудов**. По его логике российская политическая система находится в процессе конвергенции двух своих подсистем: «подсистемы 1», в которой преобладают традиционные российские и советские этатистские и патерналистские начала, и «подсистемы 2», основанной на утвердившихся в странах Запада принципах рыночной экономики и политического плюрализма. Обе подсистемы не столько дополняют, сколько ограничивают одна другую, в результате чего ни либерально-рыночные, ни этатистские начала системы не реализуются в сколько-нибудь полной мере»¹⁰⁹. Из этого Перегудов выводит неспо-

---

¹⁰³ Холодковский К.Г.. С.9 – 11, 14 – 15.

¹⁰⁴ Там же. С.20.

¹⁰⁵ Никовская Л., Якимец В. Публичная политика в современной России: между корпоративно-бюрократическим и гражданско-модернизаторским выбором // Полития. 2007. №1. С.32.

¹⁰⁶ Шевцова Л. Демократия: логика вырождения // Трудности перехода: демократия в России. М., 2004. С.40.

¹⁰⁷ Фурман Д. Дилемма Медведева // Независимая газета. 2008. 7 февраля.

¹⁰⁸ См.: Кондрашов А. Интервью // Независимая газета. 2008. 25 января.

¹⁰⁹ Перегудов С.П. Политическая система России после выборов 2007 – 2008 гг.: факторы стабилизации и дестабилизации // Полис. 2009. №3. С.159.

способность системы решать назревшие общественно-политические проблемы, а также неявный кризис легитимности режима.

На основе такого диагноза российской политики он делает прогноз о равной вероятности реализации 3-х сценариев развития политической ситуации в России:

- дальнейшее углубление конвергенции по линии становления управляемой двухпартийности, а также переход от «вертикали власти» к легализации партнерских отношений между государством, бизнесом и общественными организациями;
- прямое подавление властями любых проявлений неугодной политической деятельности, превращение «Единой России» в государство-партию, установление жесткого авторитарного режима;
- сближение позиций новых социальных движений и общественных организаций с несистемной оппозицией под воздействием ухудшения социально-экономической обстановки в стране и как следствие – «цветная революция»¹¹⁰.

2. Проблемы и потенциал российской демократии в оценках зарубежных экспертов

Мнения зарубежных исследователей по проблемам демократии в России можно условно разделить на две основные группы. Большинство политологов считает, что Россия после распада СССР переживает переход от авторитаризма к демократии. Однако, в силу обширности территории страны, многонационального характера ее населения, отсутствия демократических традиций, глубоких экономических проблем и т.д., демократический транзит в России затянулся, и до полноценной демократии она еще не дошла. Поэтому постсоветская Россия – скорее, не демократия, а полудемократия, переходный неконсолидированный режим, сочетающий в себе элементы как демократического, так и авторитарного политического строя. Такое сочетание позволяет российской правящей элите колебаться в выборе между противоположными тенденциями. В то же время, объективно Россия продолжает двигаться в направлении демократии, но темпы этого движения зависят уже от субъективных факторов.

Так британский политолог **П. Брукер** в начале 2000-х гг. разработал классификацию недемократических режимов в современной политике. В зависимости от отношения к выборам и иным механизмам публичной политической конкуренции он выделил в ее составе две

---

¹¹⁰ *Пережудов С.П.* Политическая система России после выборов 2007 – 2008 гг. С.160.

большие группы режимов: диктатуры и полудемократии. Россию 1990-х гг. Брукер отнес к одной из разновидностей полудемократий – «переходной протодемократии». В такой стране проводятся конкурентные выборы, есть легальная оппозиция, но эти институты не являются ключевыми в политической системе. Важными характеристиками такого режима он считает неустойчивость политической ситуации, способность режима с примерно одинаковой вероятностью развиваться как в сторону либеральной демократии западного типа, так и в сторону диктатуры, а также консолидироваться на стадии полудемократии¹¹¹.

Американский политолог **Харлей Балзер** предложил использовать для характеристики политического режима в России термин «управляемый плюрализм». В отличие от тоталитарного режима в таком обществе нет государственной идеологии, однопартийной системы и прямой цензуры СМИ. Однако все политические структуры и институты гражданского общества в нем поставлены в определенные рамки, заданные режимом. Партии способны критиковать отдельные политические решения и бюджетные приоритеты, но неспособны эффективно противостоять правительству. Для свободного самовыражения интеллектуалов есть малотиражные издания и Интернет, но телевидение и радио вынуждены придерживаться более строгих стандартов. Профсоюзы, организации бизнесменов, неправительственные организации и другие субъекты гражданского общества признаются необходимым фактором общественного развития, но и их деятельность находится под неусыпным контролем. «Главное отличие управляемого плюрализма от демократии – это отсутствие институционализации процессов для установления или изменения этих границ. Кроме того, эта система непредсказуема и не управляется никакими правилами... Никонец, режим управляемого плюрализма вызывает к жизни классический вопрос: кто охраняет охранителей?»¹¹².

Международная правозащитная организация **Freedom House** ежегодно публикует рейтинги государств по уровню их демократичности. Критериями демократии выступают оценка электоральных процессов, гражданского общества, степени независимости СМИ и судов, институтов государственной и местной власти. Если страны Балтии в этом рейтинге прочно заняли место в ряду демократических государств, то страны СНГ, включая Россию, еще ни разу не были признаны вполне демократическими. Эти 12 постсоветских государств Freedom House

---

¹¹¹ *Brooker P. Non-Democratic Regimes: Theory, Government and Politics. – L.: Macmillan Press Ltd, 2000. P.229, 252 – 254.*

¹¹² *Балзер Х. Управляемый плюрализм: формирующийся режим В. Путина // Общественные науки и современность. 2004. №4. С.47.*

подразделяет на 3 категории: полностью авторитарные режимы, частично авторитарные режимы и переходные правительства («гибридные режимы»).

По оценкам Freedom House в 1999 г. полностью авторитарные режимы действовали в Белоруссии, Узбекистане и Туркменистане. Политические режимы в Киргизии, Казахстане, Азербайджане и Таджикистане оценивались как частично авторитарные, а в Грузии, Молдове, России, Армении и Украине – как «гибридные». К 2008 г. ситуация с демократией в СНГ по оценке Freedom House ухудшилась: к числу полностью авторитарных режимов добавились Азербайджан, Казахстан и Таджикистан. Россия, Молдова и Армения переместились в категорию *частично авторитарных режимов*, причем Россия заняла среди них последнее место. Следовательно, в роли «гибридных» режимов к этому времени среди постсоветских государств остались только «оранжевая» Украина и Грузия при Саакашвили¹¹³. С 2009 г. Россия в рейтинге Freedom House прочно заняла место среди «консолидированных авторитарных режимов» на одном уровне с Таджикистаном¹¹⁴.

Английский исследователь **Генри Хейл**, соглашаясь с оценкой российского режима как недемократического, уточняет механизм его действия. Согласно его выводам, ключевым отличием постсоветских политических систем от большинства демократий является специфический институт, который он называет *«патрональным президентством»*. Эта система включает в себя три необходимых элемента. «Первый — это президентская власть, которую президент получает в результате регулярных прямых выборов, на которых имеется хоть какая-то возможность голосовать не за действующего президента. Во-вторых, этот президент располагает очень большими формальными полномочиями по сравнению с другими ветвями власти. В-третьих, в дополнение к своим формальным полномочиям, президент располагает также широким набором неформальных полномочий, основанных на отношениях «патрон — клиент» на стыке государственной власти и экономики. Короче говоря, президент имеет огромную формальную и неформальную власть, но все же должен — хотя бы для проформы — победить на общенациональных выборах¹¹⁵.

---

¹¹³ Цит. по: *Канпелли О.* «До-современное» государственное строительство в постсоветской России // Прогнозис. 2009. №1 (17). С.133.

¹¹⁴ *Freedom House.* Nations in Transit 2010. Annual Report.

¹¹⁵ *Хейл Г.* Президентский режим, революция и демократия // Pro et Contra. Т.13. №1. Январь–февраль 2008. С.7.

Фундаментом стабильности патронально-президентских систем Хейл считает разобщенность элит. Они обычно не способны к совместным действиям и конкурировать с правящей группой по отдельности тоже не в состоянии. Принципиальное значение в таких режимах приобретают ожидания элит. Если элитные группы уверены, что правитель тверд в своем желании бороться за власть и репрессировать любую оппозицию, то никто не захочет попасть под удар¹¹⁶. Но элиты непрерывно следят за правительством и друг за другом и стремятся угадать наиболее вероятное направление коллективного действия всех остальных, особенно – в тот момент, когда «ветер переменится».

В таких условиях режиму и его лидеру остается проводить классическую политику «разделяй и властвуй». Однако само патрональное президентство, подчеркивает Хейл, является *неделимой сущностью*. Это означает тотальность не только политической власти, но и всех политических процессов. В случае ослабления президентского контроля политическая борьба может превратиться в смуту, «войну всех против всех». Тотальность такого конфликта объясняется тем, что победитель получает все.

Вместе с тем, большинство западных аналитиков полагает, что путь к демократии для России не закрыт. Как сказал известный израильский социолог **Ш. Эйзенштадт**, «если Россия сможет сделать ставку на плюрализм, заложенный внутри собственной культуры и традиции, то этот путь пройдет и она. Но вне сомнения – это не будет демократия, созданная по западным лекалам»¹¹⁷.

Однако есть и иной способ позиционирования России по отношению к демократии. Его предлагает, в частности социолог-эмигрант **В.Шляпентох** в своей книге «Современная Россия как феодальное общество» (2008). Он напоминает, что исторически феодализм представлял собой общество, где:

- политическая власть была настолько фрагментирована, что не было единого ее центра;
- экономика и политика, богатство и власть не были вполне разделены, что порождало присвоение государства, т.е. коррупцию;
- система управления была основана на личных связях взаимной зависимости суверенов и вассалов¹¹⁸.

---

¹¹⁶ Хейл Г. Указ. соч. С.10.

¹¹⁷ Эйзенштадт Ш. У каждой цивилизации есть предпосылки для демократии // Русский журнал. 2009. №21 (35). С.3.

¹¹⁸ Каннелли О. Указ. соч. С.150 – 151.

В России 1990-х гг. с распадом советских общественных структур произошла социальная деградация такого масштаба, полагает Шляпентох, что можно говорить не только о крахе социализма и позднесоветского авторитаризма, но и о крушении государственности вообще. Демодернизация постсоветской России коснулась не только экономики, но и политики. Политические структуры российского общества опустились ниже того уровня порядка и управляемости, с которого начинается государство в привычном для современности смысле слова. Правительство перестало контролировать экономику и регионы. Региональные элиты, подобно феодалам средневековья, приватизировали ресурсы и функции местного управления. А олигархи приватизировали не только крупные производства, но и политические структуры, поставляя своих людей в правительство, Думу и партии. Тем самым, происходило присвоение государства частными интересами. И региональные магнаты, и олигархи создавали собственные военные дружины в виде частных охранных структур или криминальных группировок¹¹⁹.

Развивая идею Шляпентоха, **О. Каппелли** показывает, что социологи, анализировавшие посткоммунистическую Россию как современное государство, ожидали от Путина невозможного – построения современной демократии в досовременной стране. За годы своего президентства Путин сделал только то, что мог: преодолел региональный феодализм и частично умерил аппетиты олигархов. Однако созданную им систему господства «силовиков» еще сложно назвать современным государством: типологически это скорее абсолютистский режим позднего средневековья. Каппелли вслед за Ч. Тилли проводит аналогию между создающими государство политиками и рэкетирами, указывая на то, что их социальные роли во многом похожи. Поэтому «нет никаких оснований ожидать от Путина того, чего мы не могли бы ожидать от Ришелье или Людовика XIV. Единственное, что в данном случае можно ожидать, так это попытку установить контроль над рэкетом на национальном уровне, поскольку без этого не могло сформироваться ни одно современное государство в Европе»¹²⁰. И Путин решает эту задачу почти так же, как монархи XVII в.: он посылает на места полпредов и федеральных инспекторов, которые независимы от местных элит и могут быть отозваны в любое время, как и интенданты абсолютизма. Если же региональные элиты недовольны, абсолютистский режим покупает их системой государственного патронажа.

---

¹¹⁹ Каппелли О. Указ. соч. С.152 – 156.

¹²⁰ Там же. С.165.

Таким образом, полагает Капелли, «феодализацию» ельцинской России в 1990-х не следует путать с демократизацией, как и путинскую рецентрализацию 2000-х не следует рассматривать как возвращение к авторитаризму. В первом случае политические изменения происходили не по линии смены режимов внутри одной стадии социальной эволюции, а в направлении деградации от Современности к досовременному беспорядку. Соответственно, политика второго президента России была попыткой не столько восстановить авторитарный политический порядок советскими методами, сколько реконструировать рассыпавшееся государство, установить политический порядок вообще. И в этом смысле его действия аналогичны политике монархов, строивших «осенью средневековья» национальные государства. Путина следует воспринимать не столько как современного авторитарного диктатора, сколько как «абсолютного» монарха раннего Нового времени¹²¹. А это означает, что нынешний российский режим настолько досовременен, что вообще находится за скобками дихотомии «демократия – авторитаризм».

---

¹²¹ Капелли О. Указ. соч. С.172, 175.

Глава 4. ПРОБЛЕМА ИНСТИТУТОВ В РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ

1. Институциональный подход и российская действительность

Одним из фундаментальных инструментов исследования социальной действительности является институциональный подход. С его позиции, как общество в целом, так и политика, в частности, представляет собой совокупность социальных институтов. Сами же социальные институты рассматриваются как исторически сложившиеся формы организации общественных отношений и поведения, придающие обществу определенную степень устойчивости. Характерными признаками социальных институтов в наше время принято считать

- наличие субъектов, которые вступают между собой в отношения в процессе совместной деятельности;
- более или менее формализованную организацию;
- наличие специфических социальных норм и предписаний, регулирующих поведение людей в рамках социального института;
- наличие социально значимых функций института, интегрирующих его в социальную систему и обеспечивающих его участие в процессе интеграции последней¹²².

Соответственно, политическими институтами признаются такие социальные институты, которые охватывают политических акторов и исполняют политические функции. В традиционных обществах это монархия и связанные с ней коронация, присяга, королевский суд, назначение наместников и т.д. В современных – бюрократия, конституция, парламент, партии, выборы и т.д.

Впрочем, названные политические институты не описывают собой всего многообразия политических ситуаций и отношений. Во все времена наряду с этими, официальными или формальными институтами в политике действовали институты неформальные. Они выходили за рамки формализованных норм и тем самым дополняли собой официальную политику, служили ей либо фундаментом, либо ограничением. Так монархическую власть дополняло неписаное право вассалов на мятеж против «плохого» монарха, кроме королевского суда был и самосуд, кроме законодательных норм – местные обычаи, а рядом с партиями – слабо формализованные группы интересов. Таким образом, неформальные институты могли и служить дополнением, и заменять собой официальные институты, и даже противоречить им.

---

¹²² Гавра Д.П. Социальные институты [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.xserver.ru/user/sozin/>

Характеризуя политические институты постсоветской России, многие исследователи вынуждены прибегать к постоянным оговоркам о специфических качествах этих институтов, о неисполнении ими своих общераспространенных функций или даже об их принципиальной дисфункциональности. Так, немецкие политологи В. Меркель и А. Круассан полагают, что в России сложилась т.н. «дефектная демократия». Ее главной особенностью они называют противоречие между функционированием формальных институтов демократии и неформальных институтов¹²³.

Есть и более резкие оценки. В особенности часто они касаются институтов политического представительства: парламента и политических партий. Например, Г.А. Сатаров подчеркивает, что политические партии в России не справляются с исполнением большинства своих функций¹²⁴. Ю.Г. Коргунок оценивает российские партии как «субъекты без свойств», а партийную систему России, сложившуюся в 2000-е гг. именует не иначе как «псевдопартийной»¹²⁵. Британский политолог Г. Хейл дал своей книге очень красноречивый заголовок «Почему в России нет политических партий?» (2006)¹²⁶. Государственную думу и в 1990-х гг. оценивали как один из слабых институтов российской политики, а после реформирования партийной и избирательной систем в 2000-х гг. и вовсе стали считать декоративным учреждением. Не случайно, что явка избирателей на ее выборы традиционно была и остается меньшей, чем на президентских выборах.

Вместе с тем, столь очевидные дисфункции значимых элементов политической системы в течение довольно длительного времени не приводят к резким потрясениям и смене власти. А это означает, что соответствующие им функции в той или иной степени, но кем-то исполняются, что позволяет системе в целом каким-то образом существовать.

---

¹²³ Меркель В., Круассан А. Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях // Полис. 2002. №2. С.24.

¹²⁴ Сатаров Г.А. Избирательная система в России и ее влияние на партийно-политическую систему // Интернет-мониторинг выборов в России. М.: ИНДЕМ, 2001. С.205 – 206.

¹²⁵ Коргунок Ю.Г. Субъекты без свойств. Российские партии в избирательной кампании 2007 г. // Партиформ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.partinform.ru/colon.htm>; он же. Псевдопартийная система - наш подарок человечеству // Партиформ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.partinform.ru/articles/pseudop.htm>, он же. Становление партийной системы в современной России. М., 2007. С.381.

¹²⁶ См.: Рейтер О.Дж. Рецензия // Сравнительное конституционное обозрение. 2006. №3 (56). С.203.

Это обстоятельство ставит перед российской политологией серьезную проблему. Необходимо выработать объяснительный механизм, позволяющий интерпретировать жизнеспособность современной российской политики в условиях дисфункции ряда ее формальных институтов. Противоречие между слабостью официальных институтов и сильной властью элиты может быть снято либо путем обнаружения заместителей этих институтов, либо путем переосмысления самой их сущности, переопределения их места в жизни общества.

2. Концепция политических субститутов

Первый вариант объяснительной схемы предлагается в рамках концепции т.н. политических субститутов. Согласно этой концепции, за советский период и годы реформ политическое пространство России настолько деформировалось, что публичная политика совсем перестала существовать, поэтому полноценных политических институтов в ней нет. Роль политических институтов в России фактически исполняют аналоговые структуры — *субституты*. Особенность субститутов в том, что, выполняя иногда роль полноценных институтов, они, по существу, таковыми не являются, поскольку не обладают собственной легитимностью и не регулируются общепризнанными нормами¹²⁷.

Одним из первых концепцию субститутов к отечественной политике применил **Г.В. Голосов**. Исследуя процессы формирования и электоральной деятельности отделений политических партий в российских регионах, он пришел к выводу, что отделения эти развиты очень слабо. Причинами этой слабости он назвал особенности избирательных систем, отсутствие у партий доступа к СМИ, их финансовую слабость и наличием у непартийных кандидатов значительных социальных ресурсов. Но одну из главных причин слабости партий в регионах Голосов видит в наличии альтернативных партиям политических структур, фактически выполняющих некоторые их функции. С точки зрения полезности для потенциальных кандидатов на выборные должности «важной альтернативой партиям стал профессиональный политический консалтинг»¹²⁸.

Почти одновременно с Г.В. Голосовым аналогичную точку зрения высказал **Г. Хейл**. В поисках объяснения того, почему в России, по его мнению, нет полноценных политических партий, он приходит к выводу, что их фактически заменяют собой сразу несколько субститутов. В

---

¹²⁷ Петров Н. Субституты институтов // Отечественные записки. 2007. №2. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/?numid=40&article=1573>.

¹²⁸ Голосов Г.В. Российская партийная система и региональная политика, 1993 – 2003. СПб., 2006. С.122.

их число он включает не только профессиональные PR-агентства, но и «электоральные машины» губернаторов, а также крупные бизнес-корпорации и аффилированные с ними СМИ.

Но в наиболее развернутой форме концепцию политических субститутов применительно к российской политике изложил **Н. Петров**¹²⁹. Он отметил, что за годы президентства В.В. Путина произошло ослабевание всех институтов, кроме президентской власти и непосредственно контролируемых ею силовых структур. Резко ослабели и потеряли остатки былой самостоятельности СМИ, политические партии и Госдума. Стали гораздо слабее губернаторы, Совет Федерации, местное самоуправление. С консолидацией федеральной политической элиты упала самостоятельность крупного бизнеса и т.н. олигархов. Резко уменьшилась роль выборов. Уничтожаемые или ослабляемые институты замещаются *субститутами* – зависимыми от президентской власти аналогами.

Общий ход эволюции институционального дизайна политической системы в 2000-е гг. Петров описывает так. Сначала экспансия президентской власти во всех направлениях приводит к ослаблению остальных институтов. Затем, когда неспособность ослабленных институтов выполнять в полном объеме свои функции в политической системе становится очевидной, им «в помощь» создаются разного рода субституты, которые, будучи завязаны на президента и не обладая собственной легитимностью, служат не только функциональной заменой ослабленным институтам, но одновременно и инструментом дальнейшей экспансии президентской власти. Иногда, как, например, в случае с полпредами президента в федеральных округах, создание субститутов может предшествовать ослаблению институтов и способствовать перехвату власти.

Механизмы ослабления институтов могут быть самыми разными. Это может быть этатизация в отношении СМИ, бизнес-корпораций и местного самоуправления; лишение/сокращение источников финансирования, включая собственную финансовую базу, с установлением жесткого контроля над финансовыми потоками в отношении политических партий, НКО и местного самоуправления; ужесточение законодательства и прямое административное вмешательство, как, например, в случае выборов губернаторов, политических партий; кадровое ослабление и создание негативного имиджа (здесь лучшим примером может служить новый Совет Федерации) и др.

---

¹²⁹ Петров Н. Указ соч.

Таблица 1. *Институты и их субституты в российской политике*

Институты	Субституты
Государственная дума	Отраслевые консультативные советы при президенте (2000-), Общественная Палата (2004-)
Совет Федерации	Госссовет и его президиум (2000-), Совет законодателей (2001-)
Политические партии	Политические машины госкорпораций и регионов; «Единая Россия»
Независимые СМИ как источник информации	Общественные приемные полпредов/ГФИ (2002-); массовые закрытые соцопросы (2004-); ведомственные сети сбора информации, жалобы граждан
Правительство как центр выработки стратегических решений	Администрация президента, президиум Госсовета, Совбез (2000–2001), Центр стратегических разработок (ЦСР) (2000-2002)
Правительство как орган текущего управления	Заседания «малого Совбеза» (2000-); Совет по нацпроектам (2005-); госкорпорации (2004-)
Федеральные и региональные структуры исполнительной власти	Полпреды в федеральных округах (2000-)
Избираемые главы регионов	Назначаемые главы регионов (2005-)
Олигархи — хозяева крупного частного бизнеса	Олигархи — главы госкорпораций (2004-)

Появление субституттов само по себе не является чем-то из ряда вон выходящим и присуще, вообще говоря, любой политической эволюции. Часто это является просто фазой становления политических институтов. Особенность современной российской политической системы заключается в двух моментах. 1. *Институты, теряя свою роль, не ликвидируются полностью* — исчезает их содержание, а внешняя оболочка остается. Они превращаются в элемент декора, в псевдоинституты, в бледное подобие самих себя. 2. *Субституты же никогда не превращаются в институты* — не оформляются законодательно, не при-

обретают независимой легитимности. Они создаются не для того, чтобы со временем заменять становящиеся неэффективными институты, а для того, чтобы подменять их по существу при формальном сохранении демократических институтов в декоративной роли.

Субституционализация политической системы — это всегда ее упрощение, примитивизация. Это перевод системы в режим «ручного управления», что чревато серьезной неустойчивостью в момент смены «главного пилота», к которому тянутся все нити управления субститутами.

Поскольку субституты не заменяют институты, а перенимают их функции, а у демократического института, как, например, парламента, может быть много функций, одному институту может соответствовать целый ряд субститутот. При этом, ряд функций того или иного института, которые не нужны власти или не оознаны ею, могут вообще никем не исполняться. Так случилось, например, с выборами.

В части *легитимизации власти* выборы подменяются новым порядком назначения губернаторов президентом с последующим утверждением региональным ЗС и непрямыми выборами глав муниципальных образований из числа избранных депутатов. В части осуществления *обратной связи между властью и обществом* субститутот выборов служат общественные приемные и воссоздаваемая Кремлем система работы с жалобами и предложениями трудящихся. Выборы как *способ оценки гражданами эффективности действий власти, их результатов* подменяют главные федеральные инспекторы (ГФИ), закрытые социологические опросы, специальные разрабатываемые Кремлем системы мониторинга ситуации в регионах. Выборы как *механизм политической конкуренции и отбора кандидатов и программ* подменяются разного рода консультациями с группами влияния, причем пышным цветом расцветают как традиционное лоббирование, так и разнообразные новейшие коррупционные механизмы.

Остается еще две важнейшие функции выборов, для исполнения которых субституты не изобретены. Демократические выборы, во-первых, выполняют функцию «выпускания пара», т. е. служат механизмом *выявления и одновременно снижения социальной напряженности*, а во-вторых, - служат *катализатором процессов политического развития*.

3. Теория институциональных матриц

Идея институциональной матрицы базируется на работах К. Пола-ньи и, прежде всего, Дугласа Норта, впервые употребивших этот термин. Именно ими впервые были высказаны предположения о том, что

система институтов каждого конкретного общества образует своеобразную «институциональную матрицу», определяющую веер возможных траекторий дальнейшего развития. «Матричность» базовой институциональной системы означают принципиальную невозможность кардинального изменения одного из институтов без изменения всех остальных в этой системе.

В российской макросоциологии эту теорию развила С.Г. Кирдина. В отличие от определения Норта, Кирдина под институциональной матрицей понимает систему не только экономических и политических, но также идеологических институтов. Если Норт полагал, что каждое общество имеет свою уникальную институциональную матрицу (что вытекает из его понимания института), то Кирдина выводит два идеальных типа институциональных матриц, характеризующиеся специфическим сочетанием базовых экономических, политических и идеологических институтов. Она назвала их X- и Y-матрицами. X-матрица доминирует в России, большинстве стран Азии и Латинской Америки, а Y-матрица, как предполагается, доминирует в большинстве стран Европы и в США.

Таким образом, **институциональная матрица** общества означает первичную модель базовых институтов, т.е. связанных между собой экономических, политических и идеологических институтов, находящихся во взаимно однозначном соответствии. Это сформировавшийся естественным путем комплекс институтов, обеспечивающий выживание масс людей и государства в тех внешних условиях, в которых они оказались. Кирдина уподобляет институциональные матрицы архетипам в общественном сознании. Изначальная институциональная матрица государства несет в себе протосценарии социальных ситуаций.

Итак, X и Y-матрицы отличаются комплексами образующих их базовых институтов. Для *X-матрицы* характерны такие базовые институты:

- в экономической сфере — **институты редистрибутивной экономики** (термин К. Поланьи);
- в политической сфере — **институты унитарного политического устройства**;
- в идеологической сфере — **институты коммуитарной идеологии**.

Y-матрица, в свою очередь, имеет следующие базовые институты:

- в экономической сфере — **институты рыночной экономики**;
- в политической сфере — **институты федеративного политического устройства**;

• в идеологической сфере — **институты субсидиарной идеологии.**

В экономической сфере стран с X-матрицей преобладают **институты редистрибутивной X-экономики.** Особенностью таких экономик является опосредование Центром движения ценностей и услуг, а также прав по их производству и использованию. Через Центр происходит аккумуляция основных создаваемых продуктов, совмещение условий их производства и потребления, а также распределение ресурсов и продукции между участниками хозяйственного процесса.

Эти фазы (аккумуляция-совмещение-распределение) составляют содержание *института редистрибуции (1)*. Основу экономики составляет централизованно-управляемая *условная верховная собственность (2)*, независимо от конкретной своей формы – княжеской ли, государственной, федеральной и т.д. Специфика такой формы собственности заключается в том, что существующие условия и ограничения доступа и использования объектов собственности определяются верховным уровнем управления. За счет такой организации хозяйство таких стран в основном тесно взаимосвязанное. Поэтому главная задача осуществления экономической деятельности – не столько получение прибыли отдельными субъектами, как в рыночной экономике, сколько достижение сбалансированности производства и снижение издержек в отдельных сегментах с тем, чтобы обеспечить выживание и развитие всех его составных частей. Достижение экономического роста прежде всего за счет снижения издержек, обеспечиваемого использованием нерыночных ресурсов, внутренней и внешней мотивационной деятельностью, в конце 1970-х гг. получило название X-эффективности. X-эффективность (3) выступает в роли сигналов обратной связи, позволяющей судить о том, насколько «верно» настроены действует институциональный комплекс редистрибутивной экономики. Для нее также велика роль *кооперации (4)* хозяйствующих субъектов и Центра, опосредующего их взаимодействия. Трудовые отношения регулируются институтом *служебного труда (5)*, определяющего необходимость всеобщей занятости населения.

В политической сфере обществ с X-матрицами доминируют **институты унитарного (унитарно-централизованного) политического устройства.** Унитарная политическая структура характеризуется принципами *административного построения* государства (1), при котором его территориальные единицы не являются суверенными и независимыми в политическом отношении. В ней преобладает институт *иерархической вертикали власти во главе с Центром (2)*, поэтому поле компетенции местных (региональных) властей всегда уже, чем поле совместной компетенции Центра и регионов или Центра как та-

кового. В управленческих структурах унитарного типа доминируют принципы *назначения* (3), а не выборности. Централизованные структуры требуют также принципа *единогласия* (4) при принятии решений, что находит свое выражение в разработке и исполнении механизмов согласительных процедур, характерных для современного российского, японского и других обществ такого типа. Главным средством обратной связи в такой политической системе являются *обращения по инстанциям* (5). На основе обращений корректируются правила политической жизни, принимаются те или иные управленческие решения.

Идеологическая сфера обществ с X-матрицей отличается преобладанием **коммунитарной X-идеологии** на всех этапах исторического развития. Ее отличительная особенность - доминирование коллективных, общих ценностей над индивидуальными, приоритет Мы над Я. Известно, что коллективизм, признание общественных ценностей выше личных – особая черта культуры и идеологии российского общества, равно как и китайского, японского и других, в которых преобладают институты X-матрицы. Например, выражением коммунитарных идеологических институтов на заре нашей истории были ценности “единства земли Русской”, а в недавнем прошлом – идея “коммунистического общества”. Институты коммунитарной идеологии включают в себя, наряду с институтами *коллективизма* (1), также *эгалитаризм* (2) как нормативное представление о социальной структуре и *порядок* (3) в качестве принципа устройства общественной жизни.

Экономические, политические и идеологические институты в X-матрице тесно связаны, поддерживают друг друга и не могут существовать друг без друга. Действительно, общая собственность редиistribuтивных экономик объективно требует централизованного политического управления для своего использования, что не может не поддерживаться господством коллективных, общественных ценностей, разделяемых населением этих стран.

В отличие от России, большинство стран Европы, а также США, как уже отмечено, характеризуются преобладанием институтов *Y-матрицы*. Что это за институты? В экономической сфере западных стран на протяжении всей их истории доминируют **институты рыночной экономики**, то есть *обмена* (1), или купли-продажи. Основой таких экономик является *частная собственность* (2), которая главенствовала и в Римской империи в эпоху ее расцвета, и составляет остов хозяйственной системы современных Соединенных Штатов Америки и европейских стран. Главный стимул производства для изолированных частных собственников – *прибыль* (3), обеспечивающая не только воспроизводство, но и накопление, «страховой запас», иначе, суще-

ствующие независимо, они не смогут осуществить следующий шаг в своей хозяйственной деятельности. Между участниками рынка существует *конкуренция* (4), в ходе которой осуществляется доступ сильнейших игроков к тем или иным ресурсам или продуктам. Привлечение к труду осуществляется посредством института *наемного труда* (5). Рыночная система подробно описана в теориях и исследованиях, она хорошо известна из классических и современных учебников.

Политическая сфера стран с Y-матрицей регулируется преобладанием **институтов федеративного устройства**. Это означает следующее: независимо от того, есть ли в названии страны слово “федерация” или нет, принцип федеративного, “соединительного” построения государства “снизу вверх”, из отдельных самостоятельных княжеств, штатов, земель к единому территориальному образованию – всегда господствует. Таким образом, все западные страны в политическом отношении построены на *федеративных началах* (1). Управленческая структура также строится “снизу вверх”, на основе *самоуправления* (2) и *выборов* (3). При принятии решений действует принцип *многопартийности и демократического большинства* (4), а главной политической силой являются партии, в которых консолидируются интересы разных групп населения и экономических сил. Отсутствие доминирующей вертикали власти, которая берет на себя разрешение конфликтов на всех “этажах” государственного устройства, компенсируется наличием независимой судебной системы и *правом судебного иска* (5), которым пользуются граждане и организации для защиты своих интересов.

В идеологической сфере стран с Y-матрицей преобладают **институты субсидиарной идеологии**, в которых закрепляется главенство индивидуальных ценностей над общественными. Термин “субсидиарность” введен в употребление папой римским Пием XI в 1931 г. для обозначения фундаментального, как он полагал, принципа христианской социальной доктрины. Субсидиарность обосновывает подчиненность, дополнительность всех общественных структур по отношению к главной доминанте социального развития — личности. Субсидиарность означает безусловный приоритет личности по отношению ко всем организациям, ассоциациям и другим общественным структурам, к которым она принадлежит или членом которых является. Конечно, явление субсидиарности имеет гораздо более почтенный возраст, чем введенный для его обозначения термин.

Институты субсидиарной идеологии включают в себя институты *индивидуализма* (1), которые являлись основанием государственных идеологий западных стран во все времена — был ли это культ антич-

ных героев, или религия христианства в форме католичества или протестантства, или концепции современного либерализма. К ним также относятся *стратификационный принцип* (2) построения социальной структуры и *свобода* (2) как основополагающая ценность общественной жизни.

Так же, как и в X-матрице, институты Y-матрицы внутренне связаны, являясь выражением одного типа общества, но в разных его проекциях – экономической, политической и идеологической. Частной собственности и конкуренции в экономике соответствуют конкуренция за избирателей на выборах в политике, а идеологической основой и того и другого является индивидуальная личная свобода, проявляющая себя в господстве субсидиарных идеологических институтов.

Анализ политических и иных социальных институтов с позиций теории институциональных матриц позволяет наглядно продемонстрировать цивилизационную специфику западных обществ и их политических устройств. Вместе с тем, этот подход не означает констатации фатального противоречия институциональных матриц и невозможности реализации тех или иных аспектов демократии в западных странах. Хотя бы потому, что институты способны меняться.

ЧТО ЧИТАТЬ О РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ

- Гельман В.* «Подрывные» институты и неформальное управление в современной России // *Полития*. 2010. № 2.
- Голосов Г.В.* Электоральный авторитаризм // *Pro et contra*. Январь – февраль 2008. № 1.
- Дробижеева Л.М.* Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М., 2003.
- Кантели О.* «До-современное» государственное строительство в постсоветской России // *Прогнозис*. 2009. № 1 (17).
- Кынев А.В.* «Партия власти» как партия // *Неприкосновенный запас*. 2013. №1.
- Кынев А.В., Любарев А.Е.* Партии и выборы в современной России: эволюция и деволюция. М., 2011.
- Нисневич Ю.А.* Государственная власть современной России: Учеб. пособие для студентов вузов. М., 2008.
- Парламентаризм в России: исторический опыт, проблемы и перспективы: Курс лекций.* Томск, 2007.
- Перегудов С.П.* Политическая система России после выборов 2007 – 2008 гг.: факторы стабилизации и дестабилизации // *Полис*. 2009. №2-3.
- Петров Н.* Субституты институтов // *Отечественные записки*. 2007. №2.
- Политические партии и политическая конкуренция в демократических и недемократических режимах /* Под ред. Ю.Г. Коргунока, Е.Ю. Мелешкиной, Г.М. Михалевой. М., 2010.
- Сидорина Т.Ю., Полянников Т.Л.* Национализм: теория и политическая история. М., 2006.
- Современная российская политика: Учебное пособие /* Под общей ред. В.И. Коваленко. М., 2013.
- Современные международные отношения и мировая политика. Учебник /* Под ред. А.В. Торкунова. М., 2011.
- Трудности перехода: демократия в России.* М., 2004.
- Фокин В.Ю.* Политическая практика государственно-частного партнерства в России // *Полис*. 2011. №4.
- Фурман Д.* Движение по спирали: политическая система России в кругу других систем. М., 2010.
- Холодковский К.Г.* К вопросу о политической системе современной России // *Полис*. 2009. №2.
- Шпагин С.А.* Политическая система современной России. Томск, 2006.

Издание вышло в свет в авторской редакции

Отпечатано на участке оперативной полиграфии
Издательского Дома Томского государственного университета

Заказ № 89 от «18» декабря 2013 г. Тираж 50 экз.